

ЕВГЕНИЙ КРАСНИЦКИЙ
ЕЛЕНА КУЗНЕЦОВА
ИРИНА ГРАД

ОТРОК

Бабы строим не воюют

**Ирина Николаевна Град
Елена Анатольевна Кузнецова
Евгений Сергеевич Красницкий**
Отрок. Бабы строим не воюют
Серия «Отрок»
Серия «Отрок»
Серия «Ратнинские бабы», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5317956

*Отрок: Бабы строим не воюют: роман / Евгений Красницкий, Елена Кузнецова, Ирина Град: Альфа-книга; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-103990-5*

Аннотация

Законы управления и в женском мире действуют так же, как и везде. И если женщина – управленец слабый, неумелый, неопытный, не располагает достаточным материальным или интеллектуальным ресурсом, то она чаще прибегает к силе и принуждению, чем управленец, обладающий большими возможностями. Только вот сила и принуждение в женском мире зачастую выглядят совершенно иначе, чем в мире мужском, а советы и поучения управленцев-мужчин женщина воспринимает очень и очень по-своему. Она почти всегда найдет что возразить,

но зачастую делает это только мысленно. А зачем возражать? Все равно устроит все так, как сама сочтет нужным.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	70
Глава 3	111
Конец ознакомительного фрагмента.	156

**Евгений Красницкий, Елена
Кузнецова, Ирина Град
Отрок: Бабы
строем не воюют**

Серия «Отрок»

Выпуск 8

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

Глава 1

Неурочной поездкой в Ратное Анна намеревалась убить несколько зайцев. Строительство усадьбы для Андрея откладывать нельзя, с приказом воеводы не поспоришь – это во-первых. Во-вторых, Демкина выходка подтвердила, что новую родню, которая во множестве толклась на лисовиновском подворье, надо срочно пристраивать к делу и расселять из Ратного. И так с этим затянули дальше некуда – вот и получили позорище на все село. Кабы не проводы полусотни, боярыня, может, и раньше бы собралась. Ждать до воскресенья? Но в суете, с девками, что там решишь? Вот сейчас, когда ее не ждут – в самый раз приехать и не спеша, вдумчиво во всем разобраться.

Ну и, наконец, Татьяну проводить, как подобает, со всем

уважением. Как-никак, тоже боярыня Лисовинова. Накануне, разогнав после обеда девиц по занятиям – кого к Арине, кого к Прошке, – Анна обратилась к снохе, которая все еще неспешно трапезничала, погруженная в свои мысли.

– Как ты сегодня? – за гулом голосов суесящихся с посудой холопок и прочим шумом, царящим в это время в кухне, гостья не сразу услышала обращенный к ней вопрос, так что пришлось повторить. – Ребеночек-то не беспокоит?

Татьяна в ответ закивала и улыбнулась, сразу становясь моложе:

– Да вроде как ничего, Ань, вчера умаялась, конечно, а спала хорошо, с устатку и не чуяла ничего... А сейчас только голова немного кружится, от жары, небось. Вон давеча... – она явно собралась обстоятельно поведать о своем самочувствии, но Анна не дала ей договорить – по привычке прежнего, ратнинского, житья взяла на себя роль ведущей в разговоре и решительно переменяла тему:

– Ну, так пойдем отсюда, если уже поела. На улице-то попрохладнее... А Кузьма у тебя какой молодец! Прямо удивительно!

– Кузенька? – довольная гостья было улыбнулась, но тут же потускнела. – Не иначе опять что-то этакое изладил... он же у нас мастеровитый. Весь в Лавра, – со вздохом закончила она.

– Да нет, не в том дело: на отца-то он и впрямь похож, тут ты права, но ведь и от деда тоже немало взял! А теперь сам

уже, почитай, наставником стал – выбрал себе двух помощников и учит их.

– Это Кузьма-то? – охнула собеседница. – Учит?

– Ага. Прямо на глазах взрослеет.

– Взрослеет... – опять вздохнула Татьяна. – И он тоже. А ведь совсем еще мальчишка...

– Да все они мальчишки, – Анна не смогла скрыть тревоги, которая мучила ее со вчерашнего дня, после проводов. – Только вот взрослеют слишком быстро.

– Да уж. Мои совсем чужими стали, мать им вроде как больше и не нужна. Я вот приехала, – всхлипнула Татьяна, – а они все заняты. И понимаю я, что так оно и надо, но... хоть бы годик еще детьми побыли, подле меня.

За таким неспешным разговором Анна довела послушно следовавшую за ней сноху до своей светлицы.

– Располагайся на лавке поудобнее, да успокойся. На вот рушник, вытри глаза. Подушку тебе под спину пристроить?

Татьяна благодарно кивнула и завозилась на лавке, устраиваясь так, чтобы спина не устала.

– Тань, ты когда в Ратное возвращаться хочешь?

– Ох, Ань... да я и не знаю... надо бы поскорее. Сама понимаешь – надолго хозяйство без пригляду не оставишь... Как Кузя повезет, так и поеду.

– Ну-у, пока еще он соберется, дел-то у него и вправду много. А мне самой все равно в Ратное съездить надо, так, может, вместе и отправимся? Тебя довезем – на наших-то

телегах сподручнее. Видела, небось, как девки приезжают? Тебе сидеть способнее будет – спине легче.

– А не растрясет меня? Голова не закружится? – Татьяна и хотела опробовать новшество, про которое в селе давно судачили, и опасалась. Мало ли что девки ездят, они, чай, не беременные. – Ну, да ладно, авось доеду, с Божьей помощью. По дороге тогда и поговорим, а то батюшка придумал, а нам расхлебывать.

– Доедешь, будь спокойна. Я велю отрокам еще мешков с сеном в телегу положить, так что если сидеть устанешь – ляжешь. Сегодня-то ехать уже поздно, а завтра с утра и тронемся... если с тобой все в порядке будет. А поговорить... поговорить лучше сейчас, пока рядом лишних ушей нет.

– Каких ушей? Ты про что?

– Да про отроков я... возницей-то кто-то из них поедет, да и охрана с нами будет, а они иной раз болтливее девчонков. Зачем нам, чтобы об лисовиновские дела кто-то язык трепал?

– А... ну это да, конечно... только лезут тут всякие... в Лисовины-то, – выпалила младшая сноха.

– Это ты про кого? – голос Анны резко построжел, но Татьяна ничего не заметила.

– Да про Арину эту... Вот уж не думала, что кто-то на Немого позарится да голову ему задурит... Ну да баба молодая, справная... Батюшка наш, хоть Листвяна его к рукам и прибрала, а все равно – эта только плечом повела, так он

готов всю семью обделить, лишь бы ей угодить. Самому-то Немому оно и без надобности – сколько лет при нас жил и доволен. Чего ему не хватало-то? Ох, могут же некоторые мужей разума лишать!

Татьяна поджала губы и сокрушенно покачала головой, являя собой образец добродетельной жены:

– Скромных да работающих только на словах хвалят, а как до дела дойдет, вот такие Арины да Листвяны все и получают. Вот и Лавр мой... – она все-таки не удержала слез. – Когда он к тебе... и то лучше было. Он тогда и спокоен был, и меня не обижал, а теперь... словно на пенек смотрит! Настена не разрешает нам сейчас с ним спать, так он и рад! Ну чего тебе тогда не хватало? Жили бы тихо, как по древнему обычаю заведено, и батюшка не попрекал... А сейчас...

Анна оторопело смотрела на сноху. Вот уж чего она от Татьяны не ждала, так это напоминания о Лавре. Сама-то всеми силами старалась выкинуть из памяти то, что когда-то связало ее и мужнина брата, а тут – нате вам! Спасло ее, что сноха опять залилась слезами, уткнулась в рушник и ничего не замечала и не слышала.

«Нет, ничего отвечать не буду, а то еще неизвестно, до чего договоримся. А вот про Андрея...»

– Ну-ну-ну... водички вот выпей. Давай-ка я рушник намочу, оботри лицо-то... Увидят, что обо мне подумают? Скажут, боярыня гостью дорогую обидела...

Анна хлопотала вокруг родственницы, а сама медленно

закипала.

«Ну, Дарена, ну, напела... Доберусь я до тебя завтра!»

Всхлипы становились все реже, наконец Татьяна отняла рушник от глаз и уставилась на хозяйку.

«Господи, неужто и я в тягости такой же душой выглядела?»

– Тань, ты как, успокоилась? Слушать-то можешь? – мягкость из голоса куда-то исчезла, с гостьей теперь говорила не родственница – боярыня.

– Ты чего, Ань? – Татьяна не поняла, с чего Анна так переменялась, и испугалась.

– Да все бы ничего, только вот за что ты так Андрея обездолить хочешь? Чем он перед тобой провинился? Али не человек он? Ведь родич нам... батюшку Корнея собой от смерти закрыл.

– Как обездолить? – все еще не понимала Таня. – Чего ему не так-то? Батюшка Корней с ним как с сыном... того и гляди... Бабы-то вон говорят...

– Бабы! – взорвалась Анна. – А ты куда смотришь? При тебе близкую родню хают, а ты молчишь да слушаешь? Ладно бы просто слушала, так еще и повторяешь...

– Ну, так они же правду говорят. И о нем тоже пекутся – не чужой ведь. Он при нас спокойно жил, а теперь?

– Озаботились, значит? – зло усмехнулась Анна. – Прямаки для его пользы стараются! Все у него есть, говоришь? А семья у него есть? Дитя свое он на руках держал? Жену

обнимал?

– Да нужен он ей! Ну, сама посуди – с чего это такая, как она, с ним, с увечным? Ей же добро наше глаза застит! Ишь, возле сильного рода пристроиться захотела!

– А ты ей в глаза хоть раз посмотрела, что так судишь? Увечный? Да он ей дороже любых красавцев – вон Глеба отшила, как и не видела его.

– Г-глеба? К-когда? – от неожиданности заикнулась Таня, а Анна вдруг хихикнула по-девчоночьи, вспоминая недоумевающее лицо записного ратнинского сердцеда.

– Да ты не обижайся, не над тобой я смеюсь – так, вспомнилось...

И вдруг ее отпустило; куда-то пропала досада от того, что приходится отрываться от насущных дел и тратить время на разговор с Татьяной, исчезло раздражение на слабую характером и невеликого ума сноху. Повеяло чем-то знакомым домашним, теплым. Она и задумываться не стала, отчего так – просто отдалась этому ощущению, позволявшему хоть ненадолго забыть о свалившихся на нее заботах и тревогах.

А все было просто: они сейчас ненадолго вернулись в те времена, когда после смерти свекрови Анна решительно взяла на себя обязанности большухи лисовиновского рода, а Татьяна не только не воспротивилась этому, но и с видимым облегчением спряталась за ее спину. И вот сейчас, как и в прежние годы, Татьяна могла всласть пожаловаться и поплакаться, а Анна – более сильная духом, больше в жизни по-

видавшая – утешала, наставляла, уговаривала. Совершенно неважным вдруг оказалось, на что именно жалуется Татьяна и что отвечает ей Анна – важен стал сам разговор, на краткое время возвративший их к прежним отношениям. И хотя обе понимали, что вернуть прошлое невозможно, но существует на свете бабье утешение – хоть час, да мой.

Так и сидели рядышком в светлице две женщины, волею судьбы когда-то вошедшие в род Лисовинов: одна – не без трепета, но решительно взявшая на себя, когда это потребовалось, роль хозяйки, и другая – на которую эта роль свалилась вопреки желанию, придавив неподъемным для нее грузом. И обе боялись какой-то неловкостью разрушить это неожиданно возродившееся ощущение прежнего: Татьяне сладостно было вновь оказаться за спиной сильной и умной Анны, а Анне хоть на какое-то время забыть о тяготах боярских обязанностей.

Однако... ушедшего не вернешь, как ни старайся. В прежние времена, скорее всего, на сплетне про Глеба разговор и закончился бы, но теперь...

– Ты мои слова про Андрея запомни да потом подумай крепко, так ли хорошо ему жилось, как тебе напели, – Анна вернула выражению лица и голосу наставительную строгость. – А что до хозяйства ему да Арине... Ты вот все про горшки да ухваты толкуешь, а речь-то о другом надо вести. еще один Лисовин семьей обзаводится, род увеличивается, сильнее становится, а ты об утвари печалишься. Радоваться

надо!

Татьяна собралась было возразить, но Анна ей не дала:

– Да, радоваться! Тем более что почти ничего из ратнинской усадьбы Лисовинов и отдавать не придется. Родне твоей про бунт забыть простительно, но ты-то должна помнить!

– А причем тут бунт, Ань? Бунтовщиков-то, кто жив остался, кого к родне отправили, кого просто так изгнали.

– Ну да, отправили... с тем, что на телегу поместилось. А остальное?

Недоумение на лице Татьяны медленно сменялось сомнением, потом пониманием и опять сомнением пополам с облегчением.

– Ань, так батюшка Корней отдает то, что от них осталось, да?.. Ой, а я-то...

– Ну, кое-что добавить все-таки придется... Да не дергайся ты... так, по мелочи. Арина и сама не с пустыми руками сюда явилась – привезла три телеги всякого добра, что от огня спасли.

– Три телеги, говоришь, привезла... – затянувшееся молчание снохи заставило Анну взглянуть на нее пристальнее. – Ну так чего ей еще-то? Семья пока небольшая, к нам-то вон сколько прибыло, да не с тремя телегами... – поджав губы, покачала головой Татьяна. – Да и на чужом горе, сама знаешь, счастья не построишь... хоть и нет хозяев давно, утварь зазря вроде пропадает, но все равно как-то оно...

– Ты чего, Тань? Бунтовщиков жалеешь? Ты лучше поду-

май, что бы с тобой Марфа сделала, если бы не Лисовины верх взяли, а ее Устин.

– Свят-свят-свят! – испуганно обмахнула себя крестом Татьяна.

– То-то же! Или ты не бунтовщиков, а их добро пожалела? Так им все равно Корней распоряжается, а не всякие там... Нам же его волю выполнять надлежит. И выполним! Ты меня поняла?

– Да поняла я, поняла, что ж ты так-то... И подумать уж ничего нельзя...

– Об этом уже подумали. А ты лучше заткни этих клуш, пусть не кудахчут и Арине вслед не шипят.

– Тебе легко говорить, – продолжила свои причитания Татьяна, – у тебя все по ниточке ходят, вон, девки-то в трапезной давечадохнуть лишний раз боялись, а я измучилась.

«Измучилась она... Знала бы, сколько я сил да времени на такую легкость потратила...»

– Не образумятся – я сама за них возьмусь, да и Арина не спустит при случае – а у нее язычок-то поострее засапожника.

Тут бы боярыне Лисовиновой и остановиться, а она зачем-то свернула на привычные хозяйственные дела: кого из куньевских предстоит отправить на высылки, кого возможно со временем переселить в крепость, спрашивала, какие припасы уже заготовлены на зиму... Любой хозяйке такой разговор понятен и привычен, но в какой-то момент Анна

с удивлением поняла, что ежедневные хозяйственные заботы ратнинской усадьбы ей не то чтобы не интересны, а просто-напросто ее не касаются.

«Все, матушка-боярыня, уехала из Ратного – отрезанный ломоть. Нет, конечно, совсем без пригляда усадьбу оставлять нельзя, но то, что здесь, в крепости, важнее. Господи, ну прямо как опять в чужую семью замуж ушла... хотя нет, не в чужую, здесь все мое, здесь я сама все создаю! Надо же, как обернулось, а ведь без Танькиного нитья, наверное, не скоро такое в голову пришло бы».

На следующее утро Анна устроила Татьяну на «девичьей» телеге со всем возможным удобством и в сопровождении полудесятка охраны под командой младшего урядника Климента отправилась в Ратное. Дорога, и без того длинная и скучная, в этот раз показалась боярыне настоящим испытанием: беременная сноха почти без роздыху то ахала и охала на каждом ухабе, то принималась жаловаться на щенков, которые своим воем не давали ей всю ночь заснуть. Понимая, что Татьяне и правда нелегко дается путешествие, а тряска в телеге может ей повредить, Анна не торопила возницу, велела ехать тихо, с бережением. Какое-то время они даже не спеша прошлись, чтобы ноги размять.

Сопровождающие их отроки осторожно снесли Татьяну с телеги, побряхтывая под весом отекавшей от тяжелой беременности женщины. Поставили на дорогу, подождали, пока

она, охнув от неожиданности, утвердится на ногах, и вопросительно посмотрели на боярыню – все ли ладно?

– Молодцы, ловко управились. Возница пусть телегу за нами ведет, а остальные позади нее едут, – скомандовала Анна младшему уряднику. – Мы немного сами пройдемся, пока боярыне Татьяне от тряски худо не сделалось.

– Так, это... – замялся Климент, – матушка-боярыня, негоже так.

– Это еще что за новости? – Анна изумленно воззрилась на него. – Ты мне перечить взялся?

– Прости, матушка боярыня, но у нас приказ есть, строгий, – отрок сглотнул, оглянувшись на своих подчиненных и опять уставился на Анну.

– Какой такой приказ? Кто посмел?

– Господин старший наставник приказал в пути женщин одних вперед не пускать! Сначала охрана должна дорогу проверить! – отчеканил младший урядник.

«Господин старший наставник, говоришь? Ай да Лешка... слов нет... Издалека – и то бережет».

– Ну, старший наставник свое дело знает...

Парни облегченно выдохнули.

– Молодцы, хвалю.

– Рады стараться, матушка-боярыня!

По команде младшего урядника двое отроков отправились вперед, за ними, чуть погодя, шли Анна с Татьяной, за ними, опять же в некотором отдалении, ехала телега, а по-

зади нее – остальные отроки, настороженно оглядываясь по сторонам.

Так, за разговором, то на телеге, то на своих двоих женщины не спеша добрались до Ратного намного позже, чем Анна рассчитывала. Прибыли и узнали, что ратнинская сотня рано утром тоже ушла в поход. Татьяна сразу же взвыла – Лавра не проводила! Не к добру это! У Анны уже не оставалось ни сил, ни времени опять ее успокаивать. Передала сноху с рук на руки Дарене, наказав устроить ее в горнице и по возможности чем-то отвлечь от причитаний.

– Как все сделаешь, опять меня найди, – коротко приказала боярыня бывшей большухе Славомирава рода и отвернулась к Листвяне, ожидавшей ее распоряжений.

«Холопка, а как держится! И сыновья в первый раз в поход ушли, и Корнея проводила – а хоть бы слезинка в глазах! Кремень-баба. Если сумеет-таки батюшку окрутить, то всех тут под себя согнет».

– Значит, так: я сейчас по усадьбе пройду, посмотрю, что да как без меня тут делается, потом позовешь мне тех холопов, про которых тебе Корней Агеич наказывал... помнишь? – Листвяна кивнула и повернулась было к двери, но Анна ее остановила. – Погоди. Обед мне сюда подашь, а как поем – пусть Дарена придет. И сама поблизости будь – я с тобой после всех поговорю. Ступай.

Не было у Анны таких уж срочных дел на подворье: она

прекрасно знала, что в хорошо отлаженном хозяйстве и без нее все идет своим чередом. Однако вчерашнее осознание ненужности ее вмешательства в жизнь ратнинской усадьбы, мысль о том, что ей это не только не надо, но и неинтересно, не давали покоя. Приезжая в село по воскресеньям, она регулярно замечала небольшие, незаметные постороннему глазу перемены. И не сказать, чтобы к худшему, но она отдала этому дому много лет, положила немало сил, устраивая его уклад так, как считала нужным, полезным и удобным, а теперь с недоумением и раздражением отмечала, как постепенно этот уклад изменяется, как новые хозяйки приспособливают его по собственному разумению.

Анне, конечно, и в голову не приходило, что чувства, которые она испытывала, были и будут равно близки и понятны миллионам женщин и до, и после нее. Именно женщин, потому что мужчины, по большей части, этих чувств не только не испытывают, но нередко и не знают о них, а если знают, то, не мудрствуя, величают бабьими дрызгами или вовсе бабьей дурью. Да и с чего бы им относиться к этому иначе, если нелады, вплоть до настоящей вражды, складываются у вошедших в семью невесток и зятьев именно с тещами и свекровьями, а не тестями и свекрами? А начинается-то с малого – с мелочей, мужскому взгляду подчас вовсе невидимых.

Любая хозяйка обустроивает дом по-своему, вкладывает в это дело всю душу. Порой годы уходят на то, чтобы испод-

воль приучить домашних к единственному и неповторимому укладу жизни; настроить его, словно музыкальный инструмент. Мужчина этот порядок замечает, только когда он по какой-то причине нарушается, да и то не всегда, а для женщины в нем заложен немалый смысл. Дом – это продолжение ее самой, ее характера, привычек, предпочтений. Любые изменения в этот уклад вносятся только с ее согласия и одобрения. Муж может, не спросив жену, принести в дом новый сундук или еще какую вещь, но место ей определит только жена.

В каждом доме свои запахи, шумы, настроение, разговоры и обычаи. И хозяйка все это творит, словно создает сложный узор, где любой стежок должен безошибочно укладываться в общую картину. А потому, коли появляется в доме новый человек – невестка или зять, каждый из которых привык к иному укладу, пусть даже заведенному в соседнем доме, но другой хозяйкой, и сразу же в жизненном узоре появляются необратимые изменения. На привычных местах не оказывается нужных вещей, обыденные действия делаются не тогда и не так, разговоры идут не о том. Мужу, когда он велит, скажем, принести ему рукавицы, все равно, вытащат ли их из короба, стоящего под лавкой, или снимут с полки в сенях. А для хозяйки это уже слом устроенного ею порядка, особенно, если она, сунувшись в привычное место, не обнаружит искомого, потому что невестка переложила это туда, куда с малолетства убирала в родительском доме. А если еще и хозя-

ин проворчит: «Копаетесь, простой вещи от вас не дожидаться...» Вот так и рождаются разговоры о том, что зять с тещей или невестка со свекровью живут, как кошка с собакой.

Не происходит такого, только если свекровь или теща умнее или сильнее невестки или зятя. В первом случае, не без скандала и скрипа, молодой пришелец постепенно встраивается в созданный большухой порядок, а во втором – что зять, что невестка, все едино – ломаются «через колено» и тихо ненавидят тещу или свекровь даже и после ее смерти.

Свекрови Анны – незаконнорожденной княжне Аграфене Ярославне доставало и ума, и силы, но и сама Анна не была ни дурой, ни размазней, так что... утряслось как-то без особых скандалов и ломки, хотя свою долю слез Анна все-таки пролила. Сейчас же, приезжая в ратнинскую усадьбу только по воскресеньям и замечая накапливающиеся мелкие изменения в домашнем укладе, она постепенно начала осознавать, что изменения-то исходят не от одной женщины, а от нескольких – будто сразу несколько невесток в доме поселилось, хотя ни Мишаню, ни уж тем более Сеньку она пока не женила.

После того как во время разговора с Татьяной в крепости Анне пришла в голову мысль, что пора отвыкать от роли большухи в ратнинской усадьбе (но не в роду Лисовинов!), ей остро захотелось разобраться, кто же вносит изменения в оставленный ею уклад домашней жизни, кто обустроивает жизнь усадьбы по-своему и как именно? Вот это-то желание

и повлекло ее по многочисленным строениям, переходам и закуткам обширной лисовиновской усадьбы.

В большом доме – жилище Корнея – чувствовалась рука Листвяны. Сам воевода и не заметил бы ничего, в хозяйских покоях ключница строго блюла порядок, привычный и удобный Корнею. Даже если и появились едва заметные изменения, то, без сомнения, глава рода Лисовинов либо одобрил их, либо не заметил. На кухне же, в кладовых, погребах и вообще на подворье Анна явственно видела то по-другому расставленные горшки, то передвинутый на новое место ларь, а то и вовсе новые полки на стене, которых при ней не было: то ли в голову не пришло, то ли не нужны были, а вот теперь понадобились. Да и много еще всякого. Только в оружейной, наверное, ничего не изменилось, да и понятно – бабам туда ход заказан.

А вот там, где поселились новообетенные родственники, «не так» было все! Даже запах на кухне стоял совершенно другой, даже люди двигались по-своему. Ничего удивительного, что Дарена так быстро и легко подмяла под себя Татьяну. Младшая боярыня Лисовинова много лет жила под началом Дарены-большухи и с детства привыкла ей подчиняться. С появлением куньевской родни Татьяна вновь попала в знакомые с детства запахи, вспомнила привычный когда-то уклад жизни – и не хотела терять вновь обетенное, боялась его потерять, сейчас, в ее состоянии – особенно. Где, как не в родительском доме она могла почувствовать себя

более защищенной и ни за что не отвечающей? Вот этой давней безмятежностью и защищенностью на нее и повеяло. Так что Дарена не столько подмяла ее, сколько просто подставила руки, принимая от судьбы такой подарок.

Ратнинская усадьба теперь напоминала Анне горшок с еле заметной, волосяной толщины трещиной: и не видно ее, и воду она не пропускает, но если не замазать ту трещинку, то рано или поздно горшок распадется на части.

«А кто замазывать-то станет? Мне не разорваться... да и не надо мне уже этого: моя жизнь – в крепости. Дарена? Сил и опыта у нее достанет, конечно, но как тогда быть с Листвяной? Она же никого мимо себя в хозяйки не пропустит, даром что холопка пока. А Дарена с таким возвышением ключницы никогда не согласится, она и мое-то старшинство еле терпит. Ведь умна баба, не отнимешь, но смирить себя не в силах, и оттого, как дура последняя, упирается – и себе во вред, и детям. Значит, коли гнуться она не хочет, ее надо ломать без жалости, да так, чтобы подняться уже не сумела!»

Если Мишаня или Леша все-таки извернутся и Первак из похода не вернется, то Листя вольной еще до родов станет. Она здесь, на подворье, и сама со всеми делами управится, но если так, то, значит, сама себя и возвысит. А вот коли она ИЗ МОИХ рук власть над остальными бабами получит... Конечно, Корней все решил, не я, но оно и не важно – главное, что для остальных баб это будет и моей волей!»

Приняв наконец решение, Анна с легким сердцем завела разговор с холопами, семьи которых собирались передать Андрею с Ариной.

После памятного заявления у церкви, когда Корней ошеломил все семейство, а заодно и односельчан, громогласным обещанием не поскупиться, выделяя Андрею Немому его долю на обзаведение хозяйством, все Ратное гудело, гадая о размерах этого самого надела. А воевода и вправду мелочиться не стал. И хотя сам он, естественно, никому ничего докладывать не собирался, слухи о его невиданной щедрости пошли гулять самые невероятные. Дело усугублялось тем, что точный перечень имущества оставался пока неизвестен, а то, о чем уже узнали, впечатляло. Мало того, воевода в очередной раз доказал, что он мудр, аки змий, и не менее хитроумен: извернулся так, что и овцы остались целы, и волки сыты.

Ратнинцы уже забыли, а кое-кто и не знал, что мельник Степан, все больше тяготясь воинской службой в сотне, намеревался поставить еще одну, уже свою собственную, а не общинную, мельницу, а при ней дом. То ли хотел там одного из сыновей со временем поселить, то ли сам собирался туда перебраться, а усадьбу в селе сыновьям оставить — не суть. Главное, что он уже приготовил все потребное для новой постройки, да не скупясь — делал-то для себя, любимого, но успел только перевезти разобранный сруб к месту

строительства – бунт спутал все планы. Победители же, как исстари водится, все имущество побежденных прибрали к рукам, и сотнику, помимо всего прочего, достался совсем новенький сруб. Сразу ли Корней предназначал его для Андрея, или эта светлая мысль осенила его только после появления у того целой кучи подопечных, он никому, разумеется, не сообщал, а самого Андрея не то обрадовал, не то озадачил новыми, совершенно непривычными хлопотами. Затевав постройку крепости, воевода частым гребнем прошелся по всем усадьбам бунтовщиков, подчистую выгребая все запасы мало-мальски пригодных для этого дела бревен. Готовые же и ожидающие только сборки срубы хоть и переправили в крепость, но сложили отдельно: может, Корней ожидал, может, просто надеялся, что одними крепостными строениями внуки не ограничатся. И в очередной раз оказался прав.

Ну, а после такого щедрого дара, как добротное жилище и несколько холопских семей, всякая мелочь, вроде утвари, рухляди, скотины и птицы, сотника и подавно не волновала: бунтовали-то не самые бедные ратнинцы, трофеев всем хватило. Вот из этого-то имущества Корней и приказал выделить Арине на обзаведение все, в чем нуждается семья. Андрею же откровенно заявил, что баба ему попалась толковая, сколько чего потребно – сама сообразит, лишнего не хапнет, потому как скупердяйством не страдает, а значит, нечего у нее под ногами болтаться да в бабы дела вступать.

Двое холопов в летах, главы семей, получили от боярыни приказ взять с собой старших сыновей, плотницкий инструмент, припасы на неделю и на следующий день отправляться в крепость.

– Найдете старшину артели мастера Сучка, – распорядилась Анна, – он вам покажет, где лежит разобранный сруб, который вы для нового хозяина, Андрея Кирилловича, и его семьи поставите. Отныне ваша хозяйка – Арина Игнатовна. Она и укажет, что вам дальше делать надлежит. Все понятно?

Младший из холопов только кивнул, а старший почесал в бороде и прогудел:

– Это... боярыня... нам бы пару детишек с собой взять... кого постарше... или баб...

– Детишки-то вам зачем?

– Это... ежели жильё ладить, так мох нарезать кому-то надо, да и всякое другое по мелочи... а у нас рук не хватит... А работа нетяжелая, мой меньшей мне уже помогал, справится.

– Ладно, берите еще пару мальчишек и завтра же с утра отправляйтесь. А сейчас ступайте, собирайтесь, – махнула рукой боярыня.

Когда Анна, обойдя все закоулки усадьбы (и не вспомнить, когда в последний раз столь дотошно все осматривала), направилась к главному строению, на крыльце ее уже до-

жидалась Листвяна с известием, что стол к обеду накрыт. И ведь сумела подгадать, подглядывала за боярыней, что ли? Но удивление чуть не перешло в оторопь, когда Анна увидела, КАК накрыта для нее трапеза. Только для нее одной, в торце большого стола – на том месте, где обычно восседал Корней...

Чего ей стоило с невозмутимым видом проследовать через горницу, сесть (*«Спину, спину держать... сама же девок учу!»*), ополоснуть руки в поднесенной девкой-холопкой лохани, вытереть их поданным рушником. И все это, стараясь не коситься на стоящую возле двери Листвяну, по обыкновению сложившую руки под грудью и непостижимым образом сочетававшую вид ключницы, готовой исполнить любое приказание, и суровой надсмотрщицы, следящей, чтобы молодая холопка не допустила какой-либо неловкости.

«Конечно, у батюшки-свекра не забалуешь, он кого угодно подчинению выучит, но эта ведь не только сама подчиняется, но и других подчинять умеет – вон как холопки у нее по струнке ходят! ...И из лука лихо стреляет, ну, прямо, Лука Говорун в юбке, только все больше помалкивает. Себе на уме бабонька...»

И вдруг, как озарение:

«Навыки десятника и девки да молодухи с самострелами под ее рукой! Только пожелает, и из усадьбы никто живым не выйдет... Так и не вышли же! Было уже такое: никто из бунтовщиков, что той ночью пролезли в ворота, назад не

вернулся! Всех вперед ногами вынесли!»

Горница, знакомая до последней, самой мелкой трещинки в бревне, мгновенно обратилась в клетку, ложка в руке дрогнула и чуть не выпала из враз ослабевших пальцев, глаза вскинулись на Листвяну, а навстречу – вопросительный взгляд: «Что-то не так, хозяйка?» – и готовность немедленно исправить то, что вызвало неудовольствие боярыни.

«И ведь не притворяется! На самом деле обеспокоена, чем хозяйке не угодила. Но Корней-то она уже обротала! И десяток стрелков при ней!»

Анна закашлялась и, мотая головой, отмахнулась от подавшейся к ней ключницы, мол, не нужно ничего. Она не поперхнулась, просто вид сделала: надо же было как-то оправдать вскинутые на Листвяну глаза, иначе сушая нелепица выходит – боярыня, большуха лисовиновского рода, испугалась холопки-ключницы.

Листвяна отступила на прежнее место, а Анна продолжила трапезу, но даже не замечала, что ест – не до еды ей стало, уж больно тревожные мысли нахлынули.

«А ведь я еще и сама ее усиливаю: если Леша с Перваком устроит все, как уговорено, то Корней повинен дать ключнице волю и кормить ее, пока сыновья в возраст не войдут. Тогда ребенка от Корнея родит уже не полонянка-холопка, а вольная женщина. Совсем другое дело. Крестить новорожденного Корней, конечно же, понесет сам – в его-то возрасте такой повод для гордости! А отец Михаил наверня-

ка не удержится от попрека: мол, в блюде дитя прижито, от невенчанной жены... Невместно воеводе, он же христианские строгости в Ратном насаждает... Один выход – жениться на Листвяне! Листька – воеводиша? Боярыня? Листька – большуха лисовиновская?! И все это я своими руками? Господи, да неужто и впрямь, как святые отцы учат, злодейство против самого злодея оборачивается? Ведь это же я Первака приговорила!

Нет!!! Я мать, я в своем праве, я детей своих защищаю!!!»

Извечная материнская уверенность в своем праве ради спасения детей перешагнуть через все и всех придала Анне силы и помогла успокоиться.

«Хватит, матушка-боярыня, прежде страха пугаться! Сразу об этом не подумала, а сейчас дело уже сделано, поздно слезы лить. У кого помощи искать? Об Корнее и речи нет, а кроме него? Опять Аристарх!.. Господи, за что меня снова в его руки отдаешь? Но... да будет воля Твоя! Кто я такая, чтобы ей противиться?»

Анна истово осенила себя крестным знамением, а Листвяна, ошибочно приняв это за знак окончания трапезы, открыла дверь и повелительно мотнула головой, призывая в горницу еще двух девок. Та, что все время стояла слева и чуть позади Анны, снова подсунула боярыне лохань для омовения рук, а две вошедшие холопки споро прибрали со стола. Толком не поевшая Анна чуть было не принялась их

останавливать, однако вовремя удержалась. Сидя все так же с прямой спиной, она молча наблюдала, как девки расправляют скатерть на весь стол (до того накрыт был только тот край, где трапезничала боярыня), выставляют на него кувшин, объемистую серебрянную чарку (не Корнееву – другую) и блюдо с печеными заедками. Наливать из кувшина взялась сама Листвяна, от льющейся в чарку струи пахло вином.

«Ишь ты как! Ай, да Листя! Ну прям как для царицы...»

И словно напоминание о грехе гордыни всплыли вдруг в памяти слова сказки, рассказанной Мишаней отрокам:

За столом сидит она царицей,
Служат ей бояре да дворяне,
Наливают ей заморские вины;
Заедает она пряником медовым¹.

«Вот же, вспомнилось... а конец-то у сказки...»

Ключница, дождавшись, когда холопки выйдут, напомнила:

– Дарена ждет.

«Ах, да!»

– Давно ждет?

– Да вот как ты за стол села, тут она и подошла. Велела было сразу же пропустить ее, но... ты же приказывала после

¹ У А.С. Пушкина в цитируемой строфе из «Сказки о рыбаке и рыбке» написано: «пряником печатным», но в XII веке их еще не знали.

обеда ей явиться, — Листвяна изобразила едва заметный намек на презрительную ухмылку. — Обождать пришлось.

— Зови.

Когда Анна по дороге в Ратное только обдумывала будущий разговор со Славомировой большухой, та представлялась ей очень и очень опасной для благополучия лисовиновской семьи. Настолько, что она просто диву давалась, как ба-тюшка-свекр этого не понял? Ладно, Листя — его песня лебединая, но как он мог про эту-то не подумать?

«Ну да, мужам кажется, что никакой опасности от ба-бы исходить не может, ежели она с виду покорна и за лук или нож не хватается. Да ведь бабы-то не железом воюют, и сила наша в ином. А Дарену, коли уж ее родней признали, мы сами и усилили. Покориться-то она покорилась, но вы-нужденно».

Старше Анны по возрасту, большуха, хоть и бывшая, сильного дреговического рода, старшая сноха Татьяны — жены наследника Корнея, бабка или тетка всем отрокам первого десятка Младшей стражи, да и другим отрокам не совсем чужая, тетка Демьяну и Кузьме. Родовое право на ее стороне, и она, что немаловажно, в своем праве по-прежнему уверена. А потому и не смирилась по-настоящему. Встретясь Лисовины и Славомировичи полюбовно, к примеру, на торгу в Княжьем погосте, Анне пришлось бы приветствовать Дарену первой, как равную по положению, но старшую годами.

Замашки и привычки, да и гордыня у Дарены остались,

а вот влияние она утратила, даже своих младших унять уже не может. История же с Демьяном, решившим поучить кнутом куньевских родственников, и вовсе ей боком выйдет. Сделать вид, что ее это не касается, и не вмешиваться – самой в своем бессилии признаться. Не в ее норове это. Защищать младших – значит испортить отношения с Демкой. Да что там испортить – врагом его своим сделать! Одобрить поступок сына Татьяны и своих окоротить – обозлить куньевских молодых. Анна, хоть и гневалась на племянника за его выходку, а тогда сразу подумала, что лучшего случая окончательно указать Дарене ее место и быть не может.

Однако сейчас, когда Листвяна представилась ей в новом свете, суетливая возня женской части куньевской родни стала выглядеть такой... Нет, не мелкой или совсем уж безобидной, а скорее безнадежной и бесцельной. Суетятся тут – со страстями, с постоянным недовольством собственным положением, с совершенно дурацкими надеждами и мелкими бабьими дразгами. Они могут натворить множество глупостей, а если от дурости втянут в свою грызню и мальчишек из Младшей стражи, то глупостей опасных. Но добиться чего-то путного, кроме неприятностей на свою же шею, уже не сумеют.

Мишаня как-то при Анне поучал своих ближников, что, затевая любое дело, надо точно представлять себе цель, которой хочешь достигнуть. Она тогда это хорошо запомнила, а сейчас вспомнила и чуть было вслух не рассмеялась. Ну,

да – все правильно.

Не было, да и не могло быть у куньевских родственниц ясной и понятной цели – просто они никак не могли смириться с новой судьбой, вот недовольство свое так и выплескивали, оттого и тщетны все их потуги. А вот Листвяна представляла себе цель совершенно ясно и шла к ней хоть и медленно, но упорно.

Получается, что Дарена вроде бы имеет много прав, но почти ничего не может, а Листвяна не имеет почти ничего, но способна на многое.

Дарена, подтверждая все размышления Анны на свой счет, вошла, не скрывая негодования от того, что ее заставили ждать под дверью – явное унижение, при ее-то замашках! Миновала ключницу, словно пустое место – и ни «Здрава будь», ни «Звала?», не говоря уж о том, чтобы поименовать боярыней – с таким видом, будто собиралась влезть в драку, подступила к противоположному от Анны торцу стола, уперлась в столешницу сжатыми кулаками и заговорила тоном поучительно-ругательного вразумления бестолковой молодежи:

– Это так-то ты родство чтишь да обычаи, от пращуров заповеданные, блюдешь? Холопкам велишь старшую родственницу у порога держать!

Мельком глянув мимо Дарены на Листвяну, которая, уже не скрывая насмешки, уставилась куда-то в поясицу Славо-

мировой большухи, Анна подтянула блюдо с заедками к себе поближе, пригубила вино и принялась копать в горке печеностей, вдумчиво выискивая что-то, известное одной ей. Нашла, откусила малый кусочек, прикрыла глаза, будто наслаждалась вкусом, прожевала, милостиво покивала Листвяне, опять подняла чарку.

– Ты что о себе возомнила?! – еще повысила голос Дарена. – Никто тебе не указ? На родство плюешь?!

Никак не реагируя на слова впадающей в ярость родственницы, боярыня погоняла во рту вино, словно внимая вкусу и аромату, сглотнула и промакнула губы платочком так, как Мишаня учил делать это отроков, норовящих после еды или питья утереться рукавом.

Закипающая ярость Дарены ее вполне устраивала, именно этого она и добивалась – подтолкнуть бывшую большуху к скандалу, а коли руки распустить попробует, так совсем хорошо. Чем громче и безобразнее выйдет свара и чем более скандальной бабой Дарена себя выкажет сейчас, тем лучше. Так, чтобы потом с ясными, а самое главное, честными глазами заявить Корнею: «Ни слова не сказала, пальцем не тронула, а она... И вообще, все они, куньевские... Молодухи вон до чего Демку с Лавром довели, а эта и вовсе бешеная!»

Корнею долго разбираться не с руки, раскидает Татьянинных родственников кого куда: на выселки, на новые огороды, на дальние пасеки (благо, пасек уже целых три штуки развели), а тех, кого в Ратном оставит, так прижучит, что тише

холопок станут.

В том, что Дарена обязательно сорвется, Анна нисколько не сомневалась: знала, как угнетает такая неопределенность и вынужденная покорность, особенно при несмиренной гордыне; представляла себе, каково большухе, привыкшей к беспрекословному подчинению всех женщин в немалом роду, сравняться в положении с ними – особенно с ними! – не имея ни силы, ни возможности их окоротить, ничего, кроме привычки своей – приказывать и их – подчиняться. Потому Дарена и цеплялась мертвой хваткой за старые, от предков завещанные обычаи, не понимая, что в Ратном многое из языческого наследия уже отринуто.

«А я ей в этом еще немного помогла. Свои-то бабы не осмеливались так явственно указать, что не большуха она более, а она сама себя пустыми надеждами не могла не тешить, особенно когда я в крепость переселилась. Татьяну-то она под себя мигом подмяла. Вот и получила урок, да какой! Ее топтание у меня под дверью все видели. А я сейчас еще добавлю».

Как было задумано, так и вышло – Дарена, заорав что-то уж и вовсе непотребное, обогнула дородными телесами угол стола и рванулась к обидчице. Драки Анна не боялась: силой скандалистке не уступала, а гибкостью и ловкостью превосходила, да еще и Лешка кой-чему обучил. С шутками-прибаутками, с хватанием за «тайные места», а все-таки вдолбил в нее нужные умения. Сейчас Анна совершенно точно

знала, что будет делать: плеснуть вином в глаза (обязательно в глаза, Лешка это все время повторял), а потом доньшком той же чарки – в лоб! Анна во время Лешкиных уроков убедилась, насколько даже малый предмет, зажатый в руке, увеличивает силу удара, а чарка была увесистой и твердой.

Только зря готовилась, ничего не вышло. Первым ударом, еще больше распаляя себя, Дарена смахнула со стола блюдо с заедками, а потом... Провожая глазами отлетевший в сторону Даренин повой, Анна и не заметила, как Листя оказалась у той за спиной. А когда боярыня опять подняла взгляд, то обнаружила, что Дарена – немалых размеров бабища – стоит на коленях, а Листвяна, упершись ей коленом в спину и ухватив за волосы, заламывает ее голову назад. Умело, явно не впервые в жизни! Анна ничего подобного никогда не видала и даже не слыхала о таком – руки у Дарены оставались свободны, а сделать она ничего не могла, только не то кряхтела, не то хрипела придушенно. А слова-то какие при этом ключница говорила! Даже Корней... ну, не то чтобы сильно удивился бы и, конечно, не засмутился, но кхекнул бы обязательно!

– ...!! На боярыню умыслила!!! Сука драная!!!

Анна встретилась с Листвяной глазами, обе женщины лишь слегка шевельнули веками и поняли друг друга без слов: не холопка подняла руку на вольную женщину, а ключница защитила боярыню от взбесившейся бабищи! Теперь Листвяна подтвердит Корнею все, чего бы Анна ни сказала,

а Дарене не то что веры не будет, вообще слова сказать не дадут – Корней есть Корней.

– Она меня слышит? – поинтересовалась Анна.

– Должна, – коротко ответила Листвяна, чуть ослабляя хватку, загибающую голову Дарены назад.

– Слышишь меня, дура старая?

– ...тебя, лахудра... – не сказала – выхаркнула Дарена.

– Не хочет слушать, – сожаляющим тоном оповестила ключницу Анна.

– Ничего, сейчас... захочет.

Листвяна, продолжая левой рукой удерживать свою жертву за косы, коротко размахнулась правой и ударила. Анну покорило – удар был донельзя подлым и болезненным: не по голове, не в спину, а раскрытой ладонью по груди. Дарена взвизгнула и задергалась, Листвяна снова придавила ее, не давая шевелиться.

– Боярыня говорить с тобой желает, дерьма лепеха! – новый удар и вскрик. – Слушай или насмерть забью!

«И ведь не врет – забьет и не поморщится! Умеет пленника удержать и знает, как баб бить... Господи, не злобы ради, не из корысти, но родную кровь оберегая... Самой тошно, но пса... псицу на злодейку натравить не грех – необходимость!»

– Так слушаешь или нет? Еще поддать?

– Д-да... слушшш...

Листвяна убрала упиравшееся в спину Дарены колено, та

сразу же ссутулилась и обхватила руками грудь, но опустить голову ключница ей не позволила – держала за волосы.

– Значит, так, Дарья, – Анна выделила голосом христианское имя. – Это не я возомнила, а ты, дура из-под елки, не понимаешь, что вокруг тебя творится и кто ты ныне есть. На родство, говоришь, плюю? А не твои ли муж и свекор кровь твоих же племянников пролили? Так, по-твоему, родовое вежество блюдут, свою кровь оберегают? Ты, гнида языческая, меня небрежением к обычаям попрекнула? Так по этим обычаям мы весь ваш гадюшник славомировский истребить право имели! Слышишь меня? Понимаешь?

– Д-да... – Дарена подала голос только после того, как Листвяна тряхнула ее за волосы.

– Тогда слушай дальше. Пока я про ваши, языческие обычаи говорила, и по ним ты повинна смерти со всем своим выводком. Из милости нашей живешь. А вот по христианским законам на всем вашем роду лежит каинова печать, потому как братскую кровь пролили. На всем роду! Ибо сказано: «Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого колена...» Ты себя старшей в Славомировом роду мнишь, значит, на тебе первой и грех Каинов, а уж затем на всех остальных, до внуков и правнуков.

Анна коротко глянула на Листвяну. Та слушала, очень внимательно слушала.

«Чего это она? Ее же Десять заповедей еще перед кре-

щением вызвать заставили. Должна помнить... А-а, вот оно что! Одно дело – выучить и повторить, и совсем другое – применить Писание к обыденной жизни. Вот она и слушает, и не скрывает, что учится у меня».

– Что ты там еще гавкала-то? – Анна сделала вид, что задумалась, припоминая слова Дарены. – Ах, да! Про старшую родственницу! И в чем же твое старшинство? По годам-то ты, и верно, старуха уже. Вон, расплылась как корова, да и морда отвратна. Ну, да такой старой ветоши в любом селище... – Анна пренебрежительно махнула ладонью. – А в чем еще? Большухой-то ты при муже да свекре была, а как их не стало да гнездо ваше осиное дымом пустили... Кто ты теперь? Никто! А я – большуха самого сильного и уважаемого рода в Ратном, а значит, и во всем Погорынье! Ты с кем себя равняешь?

Если до сих пор Анна цедила слова вальяжно-пренебрежительно, свысока, то сейчас в ее речи сам собой появился напор, голос зазвенел, слова стали четкими, как воинские команды, тело напряглось, а глаза прищурились, будто она прицеливалась.

– Но это по вашему, языческому счету. А у нас я – боярыня, и останусь ей навсегда, что бы ни случилось! И даже Елька моя – боярышня Евлампия Фроловна, и выше простых баб, какого бы возраста они ни были. Сие не только людским хотением, но и волей Божьей утверждено, и не людям смертным то изменять! – Анна неспешно, размашисто перекре-

стилась; Листвяна, чуть промешкав, свободной правой рукой повторила движения боярыни и снова застыла, внимая каждому произнесенному Анной слову.

– МОЙ БОГ СИЛЬНЕЕ! Все мы в руке Его, и все творится по воле Его, хоть ты наизнанку вывернись перед своими идолами! И цену крещению твоему Он тоже знает! ОН НА МОЕЙ СТОРОНЕ, так что даже и в мыслях не держи что-то изменить, Он не даст! Уже не дал – Славомирова рода больше нет. Ты сама, попущением Божьим, жива, живы дети и племянники-внуки твои, но уже сейчас они себя Славомировичами не величают. Лисовины они, и все тут! Усомнитса кто – на месте убьют! Нет Славомировичей, кончились! А у меня два сына – бояричи, два племянника – тоже бояричи, и, в отличие от тебя, старухи, – Анна не удержалась и окинула Дарену взглядом, равносильным плевку, – я еще родить могу! У меня еще все впереди, а у тебя ВСЕ В ПРОШЛОМ! БЕЗВОЗВРАТНО! Иная сказала бы тебе: «Забудь о былом», – а я говорю: «Помни, чего лишилась!» Помни и вой на луну, сука облезлая!

Анна говорила, втоптывала Дарену в грязь, в сущности, убивая противницу. По-женски, пальцем не тронув, но убивая. Поражалась собственной жестокости и беспощадности и одновременно удивлялась: с чего вообразила эту бабу опасной? Никто она и ничто, и неизвестно, сумеет ли даже своими ногами из горницы выйти после того, что с ней здесь сделали.

А еще прямо-таки кожей чувствовала, как жадно впитывает и запоминает ее слова, движения, взгляды Листвяна. Вот так поучиться быть христианской боярыней – редкая удача, такие уроки раз в жизни случаются! Жадность до ТАКИХ знаний Анну покорила, и в какой-то миг она даже представила: не ключница стоит, удерживая свою жертву за волосы, а кто-то из ее стрелков-молодух, сама Листвяна сидит на месте Анны и говорит что-то, подобное только что сказанному боярыней, а жертва, стоящая на коленях... уж не сама ли Анна?

«Нет! Не посмеет! Не сможет! Не позволим! Мишаня, Демьян, Кузьма, крестники, сотня Младшей стражи... Лавр за меня даже против Таньки пойдет, а уж против Листвяны-то... А еще Лешка – Рудный воевода. Зверь лютый, но МОЙ зверь! Верка, Ульяна, Арина... Настена тоже на моей стороне будет! И наставники Академии... да даже и сомневаться нечего – за меня! Даже Сучок со своими плотниками... обласкать надо, приблизить, моими будут, никуда не денутся. И ВСЕ БАБЫ Ратного, кому девок замуж пристраивать... не выйдут из моей воли, не дам! А коли бабы, то и мужья их. И... прости, Господи, меня грешную, Аристарх!

И против всего этого Листвяна? Даже если и с Корнеем... Да и то неизвестно... И для Корнея предел есть!»

И такую вдруг она ощутила в себе силу! Не потому, что ослабела Дарена, не потому, что Листвяна рвалась исполнять

приказы и учиться у боярыни, а потому, что осильнела внутренне. Вроде бы и знала все это раньше, а до сих пор ни разу не приходило в голову вот так перечислить всех тех, на кого при необходимости можно опереться, кого и как привлечь на свою сторону, а на кого и просто влиять – никогда в этом не было нужды. Сейчас же, все припомнив и приложив это к возможному противостоянию с Листвяной, вдруг поняла: и эта не опасна! Ну, разве что хитростью какой-нибудь, тайным злодейством, да и то по-настоящему, явно, воспользоваться плодами этого злодейства у Листвяны не получится! Не дадут, не позволят все те, кого Анна сейчас перебирала в уме.

Анна, вдова Фрола, невестка Корнея, вдруг поняла: она не просто большуха рода Лисовинов, а боярыня, способная заставить исполнять свою волю множество людей, которые, в свою очередь, тоже способны очень и очень на многое! В ее воле направить желания, усилия и умения десятков, даже сотен – не холопов, не закупов, не нанятых работников, а вольных и сильных – на нужное ей дело!

Вот она, власть!

С ощущением этой новой силы, нового для нее знания Анна с вызовом, даже с угрозой глянула на ключницу и... удар ушел в пустоту. Листвяна – Анна готова была в этом поклясться – тоже поняла что-то, примерно такое же, что и боярыня. Слушала-то Анну не только Дарена, но и «последняя женщина Корнея»! Слушала, запоминала, осмысливала.

И поняла: против того, что стояло за боярыней Анной Павловной, у нее нет и не может быть ничего.

И снова Анна глянула, Листвяна взгляд приняла. Не играли они в гляделки – кто кого пересилит; одна поняла, что давить незачем, другая не сопротивлялась – тоже незачем. Без слов договорились, что сейчас они действуют заодно. Потом Листвяна перевела взгляд на Дарену, совершенно оплывшую на полу – та не заваливалась на бок только потому, что ее удерживала ключница, – и приподняла брови в немом вопросе. Анна, так же молча, указала глазами на дверь.

Листвяна потянула голову Дарены вбок, одновременно выворачивая ей шею и вынуждая встать на четвереньки, и потащила бывшую большуху к выходу. И снова Анна обратила внимание на то, как сноровисто, даже привычно это получилось у ключницы – явно в прошлом проделывала такое не единожды. Выпихнув свою жертву в сени, та буркнула кому-то: «Уводите ее», – и, захлопнув дверь, снова вопросительно глянула на боярыню.

Анна, все так же не произнося ни слова, чуть дернула подбородком, указывая на место за столом. Молча, потому что очень не хотелось разрушать голосом их бессловесный сговор. Даже и не сговор, а... Боярыня прекрасно понимала, как выглядела со стороны во время расправы над Дареной – сторонний человек, скорее всего, не смог бы найти приличных, не ругательных, слов для описания того, в каком виде предстала перед ним Корнеева невестка. У кого-нибудь из мужей

наверняка и кулаки бы зачесались на эдакую... Так что лучше уж и не подбирать слов.

А вот Листвяна, похоже, увидела и признала в Анне более сильную, изощренную и умелую хищницу, чем сама она. Признала и... не то чтобы покорилась, но согласилась, что поперек боярыне лучше не становиться – целее будешь. На это указывало все ее поведение, да хотя бы и то, что, выпихнув Дарену в сени, Листвяна не поддала ей напоследок ногой под зад (от чего сама Анна, наверное, не удержалась бы) – просто выполнила приказ, и ничего от себя. Дарена – добыча Анны в охотничьих угодьях Анны, ключница и на малую долю не позарилась.

Конечно же, Анна прекрасно понимала, что все это верно только сейчас и на какое-то ближайшее время, скажем, до того, как ключница родит Корнею ребенка, а потом... потом лисовиновская усадьба, если не все Ратное, могут стать «охотничьими угодьями» Листвяны. Это мужи, однажды признав над собой первенство, к примеру, Корнея, будут подчиняться ему до тех пор, пока не увидят, что командовать он более не в силах. У женщин не так – нет для них почти ничего «раз и навсегда», только семья, дети, дом, может быть, что-то еще – для каждой свое, а все остальное...

Вот прямо сейчас Листвяна честна в своем безмолвном обещании не идти против Анны, но пройдет время, и ее обещание потеряет силу, и это не будет обманом в женском понимании. В *женском мире* у каждого времени и обстоятель-

ства своя правда. Мужички почитают это бабьей лживостью, неверностью, ветреностью, а на самом деле женщина честна и правдива каждый раз! Просто жизнь повернулась немного другой стороной, а женская стезя – приноровиться, приспособиться, соответствовать. Оттого и правда женская становится несколько иной... порой прямо противоположной. Женщины это понимают и принимают как само собой разумеющееся, а мужики... да лучше им об этом и не знать, а если знают, то не стоит об этом задумываться.

Все это Анна прекрасно понимала, да и сама была такой, ибо женщина суть, поэтому и не сомневалась: СЕЙЧАС Листвяне можно верить, а потом... Потом и решать станем.

Пока ключница устраивалась на указанном месте, боярыня принялась переставлять на столе немногочисленную посуду. Великую и хитрую науку столового убранства, коим можно обозначить одинаково и уважение к соседу по столу, и пренебрежение, и разницу в достоинстве сотрапезников, и многое другое, преподавала Анне матушка. Купчиха не из последних, она умела загодя задать тон еще не начавшейся застольной беседе своего мужа с кем-нибудь из приглашенных для разговора гостей.

Если бы Анне зачем-то понадобилось уравнивать Листвяну с собой, она велела бы девкам-холопкам поставить вторую чарку. Если бы ей потребовалось сохранить такое же расстояние между собеседницами, как и при разговоре с только что

словесно измордованной Дареной – оставила бы все как есть (кувшин, чарка, блюдо с заедками – только для самой Анны). Сейчас же боярыня Анна Павловна просто отодвинула чарку и блюдо в сторону, оставив между собой и Листвяной пустую скатерть. Получилось, что вышестоящая склонилась к уху нижестоящей для доверительного разговора – приблизилась, но не уравнилась.

Что вслух, что мысленно Анна, так же как и Корней, предпочитала называть ключницу старым языческим именем: больно уж заковыристо окрестил ее отец Михаил – Асклепидота. Корней так и вообще только на один раз хватило: «Скле... Пиз... ох, мать твою! Листя!!! Да что ж такое-то, нарочно, что ли, попы нам с именами гадают?!» Ответа на этот вопрос Корней, конечно, не ждал, а вот Анне несколько позже на него ответил Мишаня:

– Отец Михаил это из добрых побуждений творит: уверен, что славян надо понемногу приучать – пусть вставляют в свой говор слова из образованной речи. Ну, а начинать надо с малого, с имен. Будет и потом такое – к германским словам нас приучать станут, к франкским, а потом и к саксонским... – Мишка покривился, будто съел чего-то совсем уж кислого, и язвительно добавил: – так вот и будем... цивилизовываться.

Половины сказанного Анна тогда не поняла, а Мишаня вместо объяснения лишь махнул рукой – дескать, не бери в

голову, матушка.

Разговор с ключницей Анна начала, по всему видать, совсем не с того, чего ожидала Листвяна:

– Как «дружина» твоя, с самострелами-то упражняются?

Листвяна явно удивилась, но ответила с готовностью и обстоятельно:

– Каждый день не получается – страда все-таки, но через два дня на третий стараюсь обязательно. Да и в поле с собой велю самострелы брать. Если там гуся или цаплю подстрелят, или еще какой приварок к трапезе, ну там, зайца – хвалю, другим в пример ставлю.

– Ну, а новых дружинниц себе не подбираешь?

– Так не из кого, Анна Павловна, не всякой же оружие в руки дашь. В любом случае, без твоего одобрения никого к дружине не прибавлю.

– Это ты правильно, – Анна одобрительно покивала. – А вот скажи-ка мне, среди тех, кого Демьян кнутом попотчевал, дружинниц твоих не было?

– Была одна.

– К самострелу не допускать, из дружины выгнать, – Анна прихлопнула по столу ладонью. – Нам еще болта в спину от обозленной молодухи не хватало!

– Так уже, Анна Павловна, – Листвяна слегка пожала плечами. – Меня с огнем играть еще в детстве отучили.

– Ладно, с этим, я вижу, у тебя порядок. Да и Корней, на-

верно, приглядывает?

– Да нет, – позволила себе намек на усмешку ключница. – Для него это так, баловство. Правда, упредил, что если кто из них, не дай бог, болт куда-нибудь не туда засадит, он с меня спросит. Ну, так это и с самого начала понятно было.

– Ладно... ну, а как себя во главе полутора десятков стрелков мыслишь?

– Ты о том, что холопка вольными женщинами командует? – уточнила Листвяна и, не дожидаясь ответа, пояснила: – Ты же знаешь, что ни на кого из нас обельные грамоты еще не выправлены, ждет чего-то Корней. Для людей-то мы, конечно, холопы, но по слову воеводы все в любой миг еще перемениться может. Да и среди стрелков моих не все вольные, мы же по способности к стрельбе подбирали, а не по достоинству вольному или подневольному.

Анна спрашивала совсем о другом, но слова Листвяны о том, что Корней чего-то ждет, ее заинтересовали.

– И чего же, по-твоему, батюшка дожидается?

– Так известно, чего! Отроки-то... в Младшей страже тоже не все вольные. Ну, кого-то убьют, кто-то чем-то отличиться сумеет, кто-то добычу возьмет такую, что на выкуп хватит... Не угадаешь сейчас, позже увидят, кто на что способен. Так и в бабьем десятке: тех, кто в усмирении бунта участвовал... холопить уже как-то и не с руки...

– Или ту, кто воеводе ребенка родит! – Анна даже и думать себе запретила о том, что Листвяна может стать воль-

ной раньше – по смерти Первака.

– И это тоже, – ничуть не смутившись, согласилась Листвяна, – все по обычаю. А дожидается Корней... Ты верно сказала: кончились Славомировичи, а за то, чтобы Лисовинами зваться, такая толкотня начнется – все ноги дружно пооттопчут! Пока еще незаметно, но ребятки-то подрастут, додумаются. То же и остальные куньевцы... Если не в родню, то хоть каким-то боком притулиться к Лисовинам. Только это ведь еще заслужить надо! В бабьем десятке себя показать – запросто. А еще у тебя, Анна Павловна, под рукой сотня женихов. Полонянкам замуж тоже охота, да не за кого попало, но с ратнинскими девами им соперничать... сама понимаешь. Только на тебя и благоволение твое надежда.

Вот я и думаю: ждет Корней, когда явственно станет, кто ему нужен и полезен, кому доверять можно, а кто... всего лишь добыча воинская. Как выберет, так дело и до обельных грамот дойдет, и прочего. Михайле надежных и полезных оставлять надобно, проверенных и испытанных.

– Михайле? – Анна вся подобралась и насторожилась. – Сама догадалась или Корней обмолвился?

– И догадалась, и... Я же к колодцу не только за водой хожу, да и в других местах... и девки-молодухи тоже... Все Ратное уверено, что, проживи Корней еще лет десять, наследовать ему будет Михайла и никто иной. Одни согласны и одобряют, другие – ни так, ни сяк, а кто-то и злобится, но в том, что так будет, сомнений нет. А против такой силы не

попрешь, будь ты... да хоть кто!

«Вот, значит, как! Все уже за нас решено. А из крепости-то и не видно... Да и тут, в Ратном, давненько ты, матушка, с ведрами не хаживала, давненько. А зря! Или уж признавай, о чем там судачат, у тех, кто у колодца каждый день отирается. Листька-то догадалась!

Десять лет, значит... Дай бог батюшке Корнею здоровья и долгих лет, конечно, но... У Мишани уже свои дети родятся – зрелый муж! – а твой... кого ты там родишь, еще дитя... Господи, дитя!!! Это же у любой матери всегда и неизменно – наиважнейшее! О себе забудешь, но дети... Вот ты мне и попалась, голубушка!

Значит, идти против всех ты не сможешь. Правильно понимаешь, бабонька. Против моих сыновей, племянников и крестников... Тоже, будем надеяться, понимаешь. А детей тебе надо вырастить в сильном роду, вольными и, даже если и не в достоинстве бояричей, то байстрюками Лисовина.² Гадить в гнезде, где тебе птенцов высиживать, ты и сама остережешься, и никому другому не позволишь, а вздумают твои детки в нашем семейном гнезде кукушатами стать – вмиг удавят.

Будешь верна, никуда не денешься! Выбор ты уже сама

² Во времена Средневековья на внебрачных детей накладывались весьма строгие юридические ограничения, особенно в сфере наследственного права, но тем не менее, кровное родство с владельческими особами было общепризнанным поводом для гордости и немалых амбиций. Статус бастарда не являлся чем-то постыдным, но, наоборот, выделял его носителя из общей массы.

сделала. Первака не станет, а остальных... И не таких сотня обламывала!»

От этих мыслей Анну окатила еще одна волна уверенности и внутренней силы, и она глянула на собеседницу глазами только что родившейся боярыни, понявшей, что знания и умения *ее людей* – это *ее собственные* знания и умения, ибо поступать эти люди будут по ее воле. И недавно посетившее ее видение того, как кто-то из Листвяниных молодух-стрелков стоит, удерживая свою жертву за волосы, а сама Листвяна на месте Анны истязает жертву словами, вдруг оказалось не таким уж страшным. Просто потому, что теперь, с новыми знаниями, сама Анна в жертвы уже никогда не попадет. Наоборот, Листвяне придется выбирать жертву либо по прямому приказу Анны, либо сообразуясь с ее мнением!

«Господи, ну и дура ты, матушка-боярыня! Сама же дочек учила: «Ничего не делать своими руками, все через холопок, но без ругани и рукоприкладства», – чтобы научились повелевать. А к себе это приложить не догадалась? И чего мучилась, каково это – быть боярыней? Да вот так! Прямо перед носом все лежало, а не увидела, пока не перепугалась. Только потом и поняла, что бояться нечего. Ну... почти нечего, вернее, есть способ справиться³».

– Ну, что ж, вижу, понимаешь ты все правильно и посту-

³ В таком прозрении Анны нет ничего удивительного или мистического. Специалистам известно, что освоение нового оборудования персоналом быстрее всего происходит в экстремальных условиях. Боярское же «оборудование» – это прежде всего люди.

паешь... тоже правильно.

Анна усмехнулась внезапно пришедшей в голову мысли, а Листвяна, не поняв смысла усмешки, насторожилась. А все просто: Анна поймала себя на том, что заговорила с ключницей так, как Корней разговаривал с Лукой Говоруном. Оба – зрелые, много повидавшие мужи, главы больших и сильных родов, оба во многом понимают друг друга без слов, но один над другим начальствует. Не потому, что первый сумел возвыситься, а второй вынужден подчиняться, а потому, что Лука *признал* Корнея вышестоящим и тем самым, наряду с подчинением, приобрел право на особые, более близкие отношения с Корнеем.

– Да, правильно! Хвалю. Теперь попробуем и дальше так же.

Анна не стала выделять голосом слово «попробуем». И так было понятно: «Мы обе отныне будем вести себя друг с другом иначе, а что из этого выйдет – увидим».

– И для начала снова спрошу: как себя во главе молодух-стрелков мыслишь?

– А как мыслить-то? Не десятницей же? Баб-десятниц не бывает. Все мы в воле Корнея, как он велит, так и будет.

Нет, Листвяна вовсе не притворялась дурочкой и смысл повторного вопроса прекрасно поняла, но намеренно отдавала первенство Анне – пусть сама опишет то, как это должно выглядеть, а потом и обсудить можно.

– А воеводой?

– Воеводихой? – враз насторожившись, переспросила Листвяна.

– Я сказала, *воеводой*. Воеводой бабьей дружины... *Моей* боярской дружины.

– Как это? А Корней... знает? – Листвяна не просто удивилась, а даже растерялась. – А зачем?

– Корней все знает... что считает нужным знать. А что считает ненужным, все равно знает, только виду не показывает, – Анна и сама затруднилась бы объяснить смысл произнесенной фразы, но получилось туманно, а потому многозначительно и слегка угрожающе. – А зачем... Детей наших кто защищать станет? Каждодневно и ежечасно, и не только оружием. Чужую обмолвку вовремя услышать и правильно понять, приглядеть незаметно за нужным... и ненужным человеком... Да и болт, с неожиданной стороны пущенный, тоже дело великое. Тем, что именно с *неожиданной* стороны. Ты разве не хочешь, чтобы твоих детей так оберегали?

– *Наших* детей?

– Я сказала, ты услышала! Чай, не глухая и не дура!

– Да... боярыня.

– Ну, то-то же! Да, вот еще что. Я девиц, что у меня в крепости обучаются, не за простецов выдавать собираюсь, а за бояричей, сыновей княжых дружинников, ну, или в богатые купеческие семьи. У них у всех на подворьях обязательно какие-то девки да молодухи обретаются: родственницы из бедных, приживалки какие-нибудь, дочки-племянни-

цы... Ну, ты меня поняла.

Листвяна согласно кивнула.

– Ежели молодые жены наши сумеют из них подобрать двух-трех, много четырех... больше не выйдет, да и не надо... подобрать, значит, да обучить так, как ты своих... Понимаешь? Мало того что хозяйки – у них, кроме всего прочего, еще и настоящая сила в руках окажется! Злодей какой к ним на подворье сунется или еще кто... Ну, мало ли, что в жизни стрясется, такому гостю незваному небо с овчинку покажется, а подворье смертельной ловушкой станет, даже если и мужей дома не случится.

– А ежели все твои молодые жены вместе соберутся, так это же полусотня стрелков! – вдруг оживившись, вставила Листвяна. – Вроде бы и нет этой полусотни, никто о ней не знает и даже помыслить не может, а она есть! И коли понадобится...

Ключница осеклась, а Анна внутренне усмехнулась:

«Ну, вот ты и в другой раз попалась, голубушка! О полусотне этой как о ватаге татей заговорила! Нутро твое, жизнь твоя прошлая никуда не делись, как шило из мешка вылезли! Вот и понятно теперь, где и с кем ты жила, и для чего тебе твои умения надобны. Ну, зачем простой бабе знать, как беспомощного полоняника удерживать, да чтоб унижительно получилось? Или латника стрелой в глаз бить, мужей в безумной горячке охлаживать, как тогда Мишаню и Лавра... У колодца все языками чешут, да не все из этой

трепотни нужные слова выуживают, а ты умеешь. И это, и много чего еще... наверное.

Баба бабу не обманет, это мужей мы, как слепцов, а друг друга... На разбойном хуторе ты жила, да не полонянкой, не холопкой; знаешь, как себя поставить, даже рядом с отчаянными мужами не теряешься. И под мою руку ты идешь, как под руку главаря разбойной ватаги. Тебе же тайную силу подавай, другим невидимую! Ну и ладно, будет у тебя эта сила, но... для меня. И тебя к делу приставлю».

– Верно мыслишь. Но до этого пока еще далеко, сначала надо моих дев выучить, чтоб стрелками командовать умели, – затылок чесать боярыне неуместно, хорошо, руку поднять не успела. Положила ладони на стол, постучала в задумчивости кончиками пальцев. – Придется как-то придумывать, для чего они мне в крепости понадобились.

– А зачем их в крепость везти? – удивилась Листвяна. – Здесь же рядом учебная усадьба есть. Трех-четыре молодых туда хоть сейчас отправить могу, никто и не заметит... или скажу, что на дальние огороды послала. И пусть твои девы ими по очереди командуют. Еще и лучше – не на глазах, никаких разговоров лишних, никаких вопросов. Из крепости они могут в учебную усадьбу и мимо Ратного пройти.

«Так тебя и тянет что-то в тайности творить! Вот ведь...»

– Тоже верно, – Анна благосклонно кивнула – и мои поучатся, и твоих поднатаскаем... А ты сама-то в учебной

усадьбе была?

– Заглянула, не удержалась, – Листвяна, заметно для Анны, сдержала улыбку, словно вспомнила что-то смешное. – Корней-то, как с Михайловыми опричниками там поигрался, помятый пришел. Все жалился, что отроки такие шустрые попались, такие озорники... чуть вторую ногу ему не оторвали. Он, пока от них отбивался, вроде бы Андрею на нос наступил... как уж это у него вышло, я и ума не приложу, но нос у Андрея и правда после тех игрищ вспух. Вот я и сходила, глянула.

– И что?

– Да почти что наша усадьба, только не из бревен, а из... ну, из плетней, только толстых. Прочно все, на настоящее похоже. По теплomu времени так даже и жить можно. Вот там и поучить дев, как стрелков расставить, как укрываться, как стрельбой командовать... и всякое такое. Им же в поле не ратиться, в жилом месте воевать. Как по мне, так учебная усадьба – самое то, что нужно!

– Ладно, посмотрим... схожу с тобой туда как-нибудь.

– Так можно прямо сейчас, недалеко же. Велю телегу запрячь...

– Нет, потом. Сейчас об ином говорить хочу, – Анна поколебалась, подумала, машинально разглаживая ладонью скатерть и переставляя туда-сюда чарку, потом продолжила. – Ты со своими молодухами-стрелками – сила. Тем более опасная, что никто вас всерьез не принимает. Ну... почти никто.

У воинов же обычай тверд: любая сила либо должна беспрекословно подчиняться начальному человеку, либо ее уничтожат. Мы же с тобой замыслили силу копить в тайне... и если это откроется – добром не кончится. Понимаешь, о чем говорю.

– Само собой. Но ведь Корней же...

– Ты мне тут узлы не запутывай! – Анна пристукнула костяшками пальцев по столешнице. – Забыла, с кем говоришь? Сотник, конечно, все знает, но он сейчас в походе, значит, без Аристарха никак не обойтись. Не поняла разве, куда попала? У нас здесь поселение воинское, так что старые привычки забудь – не допустят тут этого!

«Ну, нет, ты у Корнея уязвимое место, дыра в доспехе. Он над тобой по-настоящему начальным человеком быть не сможет. А Аристарх не позволит, чтоб такая сила оставалась без надежного пригляда. Лучшие уж я эту силу под его руку сама приведу, чем он Листю потом за горло возьмет. А ведь возьмет всенепременно! Он-то не хуже меня понимает, что тут на сотника надежи мало».

Анна в очередной раз поймала себя на том, что почти копирует тон и поведение Корнея, только что деревянной ногой по полу не заскребла. Поймала и... ничего не стала менять, наоборот, подобно батюшке-свекру, уперлась ладонью в колено, отставила в сторону локоть, подалась телом вперед и, набычившись, уставилась на собеседницу.

«Вот еще сейчас как скажу: «Кхе! Ядрена-матрена!» – и

хоть стой, хоть падай! Только эта ведь не упадет... Но я все равно сильнее!»

Анна и сама удивилась, откуда вдруг взялась в ней эта озорная веселость, ну, будто Мишаня в щелочку подсмотрел и хихикнул. Удивилась и сразу же поняла – от ощущения этой самой силы! Нет, Листвяна не ослабла, но она не понимала намерений боярыни: чувствовала, что Анна знает, что делать и как делать, осознавала свое неведение и... и в этом ее слабость! Опять так же, как и с Дареной: у Анны есть дело, есть цель, а у Дарены и Листвяны – только забота о своем благополучии или, еще хуже, потакание своим страстям и желаниям. Анна же свои страсти и желания смогла обуздать, подчинить их общему делу. Ну, не ради же собственного удовольствия она сейчас старалась, из кожи вон выпрыгивала, Дарену ломала и Листвяну подчиняла! Нет, конечно – и себя возвеличивала, и других подавляла она только для того, чтобы еще выше поднять род, чтобы ни у кого даже мысли не закрадывались попробовать Лисовинов на прочность. В этом заключалась ее сила. Много силы, даже на язвительное веселье оставалось.

Листвяна что-то такое почувствовала и, наконец отведя взгляд, прервала затянувшееся молчание:

- Может, и так, тебе виднее. От меня-то ты чего хочешь?
- Когда ты у нас появилась, Аристарх с тобой разговаривал?
- Был разговор... – Ключница поежилась, видимо, вос-

поминания остались у нее не самые приятные. – Только не сразу, а когда... – неопределенный жест Листвяны, видимо, означал: «Когда узнал, что я с Корнеем...»

– И что?

– Страшен... может быть, когда захочет.

– А еще?

– Да что ж тебе надо-то от меня? – вроде бы возмутилась Листвяна.

«Вроде бы» потому, что на самом деле в ее словах звучало не возмущение, а страх. Боярыня подталкивала ее... к чему-то не столько опасному, сколько безвозвратному, к невозможности сделать шаг назад... К плате за теплое место возле Корнея, к доверию боярыни – не потому, что ключница заслужила его, а потому, что обмануть невозможно – слишком страшна кара за обман.

– Найдешь случай переговорить с Аристархом! – твердым, не допускающим возражений и сомнений голосом заговорила Анна. – Расскажешь ему о бабьей дружине и скажешь, что надзирать за ней я прошу его, понеже дело это хоть и воинское, но сотни все-таки не касается, значит, ему как старосте и надлежит на себя заботу о нас, грешных, принять...

– Запретит...

– Сделаешь, как сказано! Мне лучше знать! Расскажешь в подробностях все, что мы с тобой сейчас об этом говорили и... все остальное, что он знать захочет. И не тяни, я ведь узнаю, когда ты к нему ходила.

— А что ж сама-то...

— Учить меня будешь?! — Анна сначала прикрикнула, а потом поняла: это уже лишнее — есть предел, после которого Листвяна и взбрыкнуть может. Себе повредит, но характер покажет, помыкать собой не даст. — Да не злись ты, — боярыня, насколько смогла, смягчила голос и ободряюще дернула головой. — Против воинского обычая у нас не пойдешь. Если подчинение, то полное, а нет подчинения, нет и тебя. Но зато получишь все, что желаешь: спокойную жизнь с Корнеем... Что сама устроишь, то и получишь, никто мешать не станет, воеводство в тайной дружине... ведь хочешь же этого, я вижу. И все дети твои в надежном гнезде вырастут, в лисовиновском... Но и спрос с тебя — никуда не денешься — под стать тому, сколько тебе дано.

Две женщины, очень непростые, много повидавшие и пережившие — боярыня и ключница — сидели в горнице и говорили, казалось бы, о своем. А на самом деле... Если бы кто-то рассказал им, *что* на самом деле они творят, не только не поверили бы, а даже и не поняли, о чем речь.

* * *

Здесь и сейчас в Погорынье умирало родоплеменное общество и рождалось сословное — феодализм. Анна прижилась в Ратном, приняла (а куда ей было деться?) нормы и

правила военной демократии, пришедшие из времен Рюрика, Игоря, Святослава и сохранные ратнинской сотней. Листвяна не знала ничего, кроме волчьих законов разбойничьего братства и древних родовых обычаев.

Сейчас они вместе растоптали и унизили Дарену, не понимая, что этим не просто приводят в покорность возгордившуюся бабу, а рушат древний обычай во имя обычая нового: титулованный младенец выше нетитулованного умудренного старца!

Кровь и род раньше только связывали людей в некую общность, но теперь еще и возвышают одних людей над другими. Власть, которую прежде давали сила и признание ближних, становится наследственной. Все реже и реже дружина задает владельцам вопрос «Кто ты без нас?», все меньше и меньше остается в нем угрозы, а когда спрашивать будет уже некому, прозвучит: «Аз есмь царь!»

Корней принял титул воеводы, по сути равный титулу графа, и ратнинские воины, конечно, могли свергнуть его силой, но не переизбрать. Преемника же Корнея определяют не голоса воинского схода, а правила наследования. Воспротивиться, опять же силой, ратнинские воины могли, а назначить преемника – нет. То есть право ратников отныне превращалось в преступление – в бунт.

Мишка, лишенный звания старшины Младшей стражи, все равно продолжит командовать, но уже как боярич, и его верховенство над отроками от этого только упрочится, пото-

му что из бояричей разжаловать нельзя.

Анна в чисто женских разборках, тихих и незаметных для мужчин, переступила через сложные и запутанные родственно-возрастные счета и стала превращаться из хозяйки лисовиновского подворья в хозяйку не только Ратного, но и, со временем, всего Погорынья. Заставила для начала только ближнее женское окружение если не принять свершившееся, то хотя бы смириться с ним.

Мужчины могут присваивать любые титулы, рушить старые обычаи и утверждать новые. Однако родоплеменное общество по-настоящему станет феодальным только тогда, когда его нормы и правила примут и начнут внедрять в жизнь женщины. Каждодневно и ежечасно, в незаметных со стороны мелочах обыденной жизни, но постоянно и неотступно. А еще они будут растить и воспитывать детей, и для следующего поколения сословные отношения станут не чем-то новым, а само собой разумеющимся, тем, про что говорят: «Иначе и быть не может».

Тысячи и тысячи «корнеев» по всей Европе, с яростным ревом и железным лязгом, огнем и мечом, умом и волей утверждали новые отношения между людьми, а в это же время тысячи и тысячи их жен, сестер и дочерей тихо и незаметно делали эти изменения необратимыми. История запомнит груды трупов и обугленные развалины, хронисты их опишут, и найдутся те, кто назовет это великими деяниями. Тихие женские разговоры и не такие впечатляющие, но ежедневные

женские труды не запомнит никто, но решат они все.

Корней, сделавшийся из сотника воеводой, утвердил норму единоначалия, которая позже и на самых разных уровнях управления превратится в абсолютизм. Да, он был не первым и не единственным, но он попал в «генеральную линию», которая, принимая самые разные, порой причудливые формы, сохранится до наших дней.

Анна, тоже не первая и не единственная, растоптала Дарену, подчинила себе Листвяну и установила таким образом свое верховенство в *женском мире* Ратного и округа. В том самом *женском мире*, который не только обустроивает по своим правилам и понятиям обыденную жизнь, но возвращает в своем лоне мужей, выпуская их, когда приходит время, в мир общий, но с убеждениями и взглядами, заложенными в них *женским миром*.

Вот так и получилось, что приехала в Ратное Анна-большуха, а из разговора с Дареной и Листвяной вышла боярыня Анна Павловна Лисовина. Ехала – переживала, прикидывала, какие удары от этих баб ждать, а оказалось, не о том думала. Не опасности, а то, к какому делу их приставить да какую пользу от них получить – вот что отныне должно занимать боярыню. Разумеется, только после того, как она показала каждой ее место.

По природе своей Анна не была жестокой, но вынуждена оказалась действовать безжалостно. Расправляясь с Даре-

ной, она не тешила своего тщеславия и не получала от этого удовольствия. Просто твердой рукой творила необходимое, защищая род и утверждая свое право повелевать. Такое уж время стояло и такой век: не сумел показать силу, проявил слабость или жалость – сомнут тебя самого.

Смерть – дело обыденное, она всегда рядом, а потому к жизни чужих, не принадлежащих к семье, роду или иному сообществу «своих», люди той поры относились, мягко говоря, намного проще, чем в более спокойные времена. Чего уж тогда говорить об отношении к чувствам, переживаниям или достоинству тех, от кого исходила опасность, реальная или мнимая?

Однако дело не только во «временах и нравах»: боярыня вынужденно прибегла к жестокости в силу того, что иного пути не знала! Она только училась управлять, порой не понимая, чему именно надо учиться. Училась на ощупь, набивая шишки и себе, и окружающим, то есть управленцем пока что была слабым. Слабые же, стремясь подняться наверх, хочешь не хочешь, становятся жестокими. Кто-то находит в этом удовольствие – если стремится наверх только для удовлетворения собственных амбиций и страстей. Те, кого ведет дело, используют жестокость как один из немногих пока что доступных им способов управления людьми. Придет время, и они научатся обходиться без нее... ну, или почти без нее. Но пока делают, что могут...

Анна, конечно, не знала, что то умение «быть боярыней», которым она сейчас пыталась овладеть, через много веков назовут наукой управления и разложат по полочкам.

Если сравнить, каким образом привлекают и подчиняют людей трое управленцев – «попаданец» Михаил Ратников, воевода Корней Агеич и боярыня Анна Павловна, то можно заметить любопытную зависимость.

Михаил хорошо знает и практику, и теорию управления, то есть из них троих он самый квалифицированный управленец. Он привлекает нужные ему кадры без малейшего насилия и расставляет людей по местам самым мягким способом: предоставляет им возможность проявить скрытые до того способности и таланты. Люди в крепости расцветают, не только занимаясь любимым делом (ну, или тем, к которому они более всего склонны), но и получая за это достойное вознаграждение: прежде всего – возможность быстро, без оглядки на прежние обычаи и традиции, подняться вверх. Говоря проще, выбиться в люди. И при этом личное благополучие каждого из членов команды Михаила накрепко связано с общим благополучием вновь создаваемого сообщества, а самым страшным наказанием станет отлучение от новой, такой многообещающей и привлекательной жизни. В общем, «пряник» используется гораздо шире, чем пресловутый «кнут».

Нет, конечно, «истинно средневековые» методы Мишка тоже применяет, но не постоянно, а одноразово: одного из

«дуэлянтов» убил, их урядника казнить приказал. От чрезвычайных ситуаций никто не застрахован.

Корней с теорией не знаком вообще, но искусству управления учился всю жизнь, поэтому все его знания основаны исключительно на собственном жизненном и командном опыте и мощнейшей интуиции. Он, что называется, управленец «от бога», своеобразный талант-самородок, привлекает и подчиняет себе людей, используя принцип: «Без меня вы никто».

Новоиспеченные воеводские бояре вынуждены поддерживать Корнея, их судьба и личное благополучие теперь напрямую зависят от судьбы и благополучия самого Корнея и рода Лисовинов.

Власть со всеми ее правами и обязанностями становится наследственной, и это выгодно обеим сторонам. Наследники Корнея должны в будущем принять на себя такие же, как и он, обязательства по отношению к своим вассалам – наследникам воеводских бояр.

Да, бояре больше не могут выбирать военного вождя – сотника ратнинской сотни, но и они теперь не просто десятники, которых, как и сотника, могли выбирать остальные ратники, они – бояре, владельцы (по европейским понятиям – бароны), передающие своим детям по наследству и свое положение, и свои владения. Разумеется, это накладывает на них новые, соответствующие обязанности, не без этого, но власти без ответственности не бывает. Таким образом, и

кнут, и пряник Корней использует примерно поровну.

Анна же только-только даже не стала – становится боярыней. Не потому, что ее так назвал воевода, не потому, что ее сыновья – бояричи. Сама по себе. Знаний для этого у нее нет, опыта – тоже. Единственное, что она пока может использовать – принуждение. Это проще всего, это лежит на поверхности.

Она не уверена, что может контролировать Листвяну, просто не знает, как это делается, поэтому и использует принцип «полностью доверять можно только тому, кто крепко «посажен на крючок». Более того, она даже не уверена, что сможет уследить за Листвяной и в этом случае, поэтому и отправляет ее к Аристарху: уж тот-то справится. Надзор грозного старосты и страх кары будут висеть над Листвяной постоянно. Ее личное благополучие зависит от того, как ее поведение оценит Анна. Хотя и плата за верность щедра: где-то впереди виднеется благополучное будущее самой Листвяны и ее детей. Но и кнут грозит постоянно.

Ну, а Дарена, как и остальные куньевские родственницы, получают один только кнут. Их принуждают выполнять то, что сочтет нужным боярыня. А вместо пряника – жизнь (не холопки – и то слава богу!).

Боярыня или нет, Анна не закоренелая злодейка; хотя и прибегает к насилию, но для нее все-таки предпочтительнее добиваться своего лаской, а не таской. Отсюда и «Сучок со своими плотниками... обласкать надо, приблизить, моими

будут, никуда не денутся». Так что жестокость не проклюнулась в ней вместе с ощущением власти, а скорее является вынужденной. От управленческого слабосилия.

Сидят в горнице две женщины, говорят о своем...

Глава 2

На обратном пути мысли Анны уже целиком занимали нынешние заботы о делах в крепости. А подумать там было о чем. Старая, привычная, но уже тесная ипостась большухи лисовиновской усадьбы сброшена безвозвратно, а в новую – боярыни – еще влезть надобно. Первый же день после ухода полусотни показал ей, как это непросто.

* * *

С самого начала все в то утро было не то и не так. Да и само утро тоже оказалось каким-то неправильным. А всего-то не прозвучал, как обычно, в крепостном дворе рожок Дударика...

Прошедшим вечером уставшая донельзя Анна не обратила внимания на то, как и чем подавали сигнал отбоя, да и подавали ли его вообще, но сейчас, ожидая подъема девок, она вскинулась от раздавшегося снизу мальчишеского даже не крика, а прямо-таки душераздирающего вопля:

– Па-адье-ем!!!

«О, Господи, нарочно, что ли, самого горластого выбрали? Орет, будто пожар. Девок наверняка перепугал».

Как выяснилось, «перепугал» – это еще слабо сказано. Ак-

синья, которую естественная потребность подняла с постели чуть раньше положенного, оказалась на лестнице как раз в тот момент, когда отрок дежурного десятка просунул голову во входную дверь и во всю глотку гаркнул команду. Тут, на ступеньках, Аксюха и села – оглушенная и ошарашенная. От испуга у нее не только ноги подкосились – сама себя потеряла, даже слова разборчиво произнести не могла, что уж там говорить о том, зачем с постели поднялась...

Остальные девки с утра тоже были как-то особенно бес-толковыми, а когда узрели ревушую на лестнице Аксиныю... Анна, поначалу было взъярившаяся, потом уж и не знала: то ли ругаться, то ли плакать вместе с сидящей на ступеньках Ксюшей.

В общем, день не задался с самого начала. Девки шарахались от Прошки, оравшего, чтобы не выпускали из клеток щенков опричников, а выводили по одному на поводке, иначе сбегут искать хозяев; щенки рвались с поводков; Млава (ну а кто ж еще-то?) умудрилась налить воды вместо щенячьей миски себе в сапог; Манька споткнулась на ровном месте и рассадил коленку; Ленка упустила-таки одного из щенков, и дежурному десятку пришлось ловить того по всей крепости. И в довершение всего Машка с совершенно несвойственной ей яростью так повздорила с Прасковьей, что друг другу в волосы вцепились, а из-за чего, потом не удалось выяснить даже при самом строгом расспросе.

Анна, внутренне кипя (спросили бы – и тоже не смогла

внятно объяснить, из-за чего), с трудом дождалась, когда после молитвы, завтрака и построения на развод освободился Кузьма, оставшийся в крепости старшим из Лисовинов – вроде как воинским начальником. Во всяком случае, дежурный десятник докладывал именно Кузьме, и командовал разводом на занятия и работы тоже Кузьма.

Вот на племянника-то Анна и накинулась сразу после команды «Вольно! Урядники, развести народ по занятиям!»: – Ты что, ничего дурнее придумать не мог? – не предвещавшим ничего хорошего тоном спросила она, нависая над Кузьмой.

– А что такое, тетя Ань? – совершенно искренне изумился Кузька.

– Что такое? – Анна грозно свела брови. – На что понадобилось с утра глотку драть? Девок мне перепугали, одна на лестнице так и села, хорошо не расшиблась!

– Так Дударика же нету, с первой полусотней утек. Мы раньше, пока его не было, так же отроков будили, и ничего, все живы.

Вид у Кузьки был настолько невинно-изумленным, что Анна слегка остыла, хотя, зная племянника с пеленок, прекрасно понимала цену этой «невинности» – с точно таким же «ангельским» неведением Кузька встречал любые обвинения в каверзах и проказах, если его не ловили за руку. Впрочем, если даже и ловили, все равно удивлялся: «А чего я такого сделал-то?»

– А чего-нибудь другого придумать не могли? – спросила Анна уже менее грозно (Кузька, поганец, так и источал умиротворение). – Ну, я не знаю... било сделать... Что у тебя, железа мало в кузне? Найти не мог чем погреть?

– Во-во, – донесся сбоку голос наставника Филимона, – моя-то тоже, как чем недовольна, так сразу и принималась посудой бренчать...

– Да причем тут посуда? – Анна досадливо обернулась к опирающемуся на клюку пожилому наставнику. – Не о ней речь...

– И я не про посуду! – перебил боярыню Филимон. – Я про воинские приказы, кои должны быть ясны, несомненны и всем слышны!

Старый воин пристукнул по земле клюкой и продолжил таким голосом, словно объяснял что-то отрокам на занятиях. Анне даже и в голову не пришло его перебить – умел старик «присутствующих построить», как выражался Мишаня.

– Что есть звук рога для воина? Звук рога есть голос начального человека, команда, коя не может быть подана голосом из-за шума или дальнего расстояния. В рог дудят не просто так, а каждый раз со смыслом, и смысл этот для понимающего человека – те же слова. Вот, к примеру, с утра: тарам-тарам, тарам-тарам, тарам-пам-пам пам-пам, – напел Филимон. – Вставай, вставай, сапожки надевай! Или еще: Пам-парам, пам-пам, пам-пам. «Приступить к занятиям!» Или: «Целься, целься»... ну, и прочее. А какие слова в гро-

мышании? Да нет там слов! Как хочешь, так и догадывайся. Вот услышали бы отроки с утра твое блямканье об железо, или било бы громынуло, чего бы подумали? Пожар? Просто балуется кто-то? Или Плава мужа своего вознамерилась добронравию с утречка поучить? А воинский приказ никакого сомнения или иного смысла иметь не может! Понятно?

Вопрос вроде обращен к Кузьме, но не приходилось сомневаться, что все говорилось для Анны.

– Ага, понятно, господин наставник, – отозвался между тем Кузька.

– Нет, конечно, посудное громыхание тоже свой смысл имеет, – удовлетворенно кивнув, продолжил пояснения Филимон: – Однако смысл этот бессловесен... ну, вроде как тебе что-то взялись объяснять не словами, а, скажем, гримасами. Ну-ка, Кузь, сделай сердитое лицо... Ага, вот так! А теперь – веселое. Вот, значит, видишь, Анюта: по лицу понятно, что он либо сердится, либо радуется, а отчего – поди догадайся. Так и в котелок можно весело греметь или тревожно, а то и угрожающе. Вот, к примеру, бабы, когда коровью смерть от селища отгоняют, очень грозно в посуду стучат. И угроза эта не пустая – попадись им кто, кого они за коровью смерть примут, враз убьют! Об этом я, значит, и толкую. Рогом воины слова приказа передают, а бабы громыханием в посуду – только настроение, слов в нем нет. Все как в жизни: муж все больше разумом живет, а баба страстями да желаниями. Так что, Анна Павловна, не взыщи, но коли живете

вы в укрепленном месте, где все по воинскому распорядку устроено... Объясни девицам, что приказов пугаться глупо. А ты, Кузьма, взял бы отрока погорластее... Нет, лучше я сам... Постой возле девок да покомандуй в полный голос, а то Прощка больно ласков с ними. Понял, о чем я толкую?

И снова у Анны возникло ощущение, что, обращаясь к Кузьме, Филимон разговаривает на самом деле с ней.

«Ну-ну, старый конь борозды не испортит, как же... Все как есть по полочкам разложил... Умен ты, дядька Филимон, а все равно дурак. Будто не знаешь – иной муж порой так страстями кипит, что баба весь свой разум в кренделя заплетет, чтобы его остудить. Только умные жены про то молчат, а ежели которая мужу что не так скажет, за свой же разум потом так огребают... Вон на Варвару посмотришь, и десять раз подумаешь: сказать чего или лучше смолчать?»

Наставник словно девчонке за бестолковость выговорил. Обидно, но виду подавать нельзя.

«Ладно, старый пень, свое дело ты знаешь, а я... не в первый раз промолчу... Да и не в последний».

– Благодарствую, дядька Филимон, полезные вещи ты нам с Кузьмой поведал. Вернется Дударик – велю ему словесное содержание его игры на рожке с девицами разучить. Ну, а чтобы они от громких приказов не вздрагивали... тут Кузьмы, пожалуй, маловато – нужен настоящий мужской голос. Ты уж, Филимон, сам наставника поголосистей подбери.

Утро покатилося по вроде бы уже накатанной колее. Вот и ругань Сучка сама по себе, может, и не привлекла бы ее внимания, но сейчас к его привычной скороговорке примешивался возмущенный голос Плавы. Старшина артельщиков на этот раз схлестнулся не с кем-нибудь, а с поварихой.

«Вот же неумный! И чего он там-то забыл? Ну, Плава ему сейчас устроит...»

Около самой кухни все было спокойно, только двое артельщиков стояли, прислушиваясь к шуму перебранки, который доносился из двери, распахнутой по летнему времени и прикрытой от мух старой холстиной.

– Дак я и говорю, ну кто ж так строит! – Сучок вывалился наружу, путаясь в складках колыхавшейся ткани и продолжая возмущенно вещать: – Где оно такое видано? Ну, так мне что? Я человек подневольный, велено мне! Иди вон сама с Михайлы ответ требуй, коли догонишь!

– Не знаю, что тебе там велено, а печь поганить не позволю! И на порог не пущу! – Плава тоже вынырнула из-за занавески и загородила проход, уперев руки в бока. Сразу стало ясно: сдвинуть ее с места лучше и не пытаться; правда, Сучок, похоже, и не горел таким желанием. Спорить спорил, но Anne показалось, без обычного для него воодушевления.

Первой заметила боярыню Плава. Поклонившись издаലെка хозяйке, повариха вдруг ухватила за плечи низкорослого старшину артельщиков, продолжавшего ей что-то втолковы-

вать, ловко развернула его лицом к Анне и изрекла:

– Вот! С боярыней говори...

А сама, все так же стоя в дверях кухни, с оскорбленным видом принялась рассматривать сложенные неподалеку инструменты и еще какой-то скарб, видимо, принесенный подмастерьями, что сейчас переминались рядом со своим имуществом, ожидая окончания переговоров. Сучок было дернулся с возмущенным воплем обратно к поварихе, но тоже увидел боярыню:

– Анна Павловна, рассуди ты нас ради бога! – провозгласил он со слезой в голосе, поспешно снимая шапку и кланяясь.

«Ну, прям скорбный лик на святой иконе... какая муха его укусила?»

– Как велишь, так тому и быть. Мы же люди подневольные, а Плава вон из кухни гонит... А я что? Я ж говорил... кто так строит? Видано ли: дырки в дымоходе ковырять и какие-то заслонки там пристраивать? Да разве же меня слушают? Веришь ли, Плава, у самого душа разрывается! – не удержавшись, Сучок опять обратился к поварихе, но спохватился и, прижав шапку к груди, снова поклонился Анне. – Ну, так и решай, матушка-боярыня: не велишь мне на кухне в дымоходе эти дырки вертеть, так оно мне и не надо! А велишь... что ж, ваша печь, мы-то себе и на костерке на артель чего-нито сварим, мы люди привычные... А то вон Плава нас чуть помоями не окатила, за наше старание-то...

– Сунешься опять – и окачу! – оторвав взгляд от бадьи с глиной, пообещала ему Плава. – Не позволю печь поганить! Анна Павловна, ну какие еще заслонки? Сказались все – грязюку в кухню тащить! Ты же сама мне велела, чтобы я здесь чистоту блюла, а тут, пожалуй, уследишь за ней. И зачем тогда было деревянные полы в кухне ладить, с тем же Сучком браниться? Чтобы он же мне все и загадил?

К любым посягательствам на свое хозяйство старшая повариха относилась, мягко говоря, весьма неодобрительно и возмущаться могла еще очень долго, поэтому останавливать ее следовало резко и без колебаний. Если бы еще Анна знала, о чем идет речь!

«Это что еще за дырки в печи с заслонками? Ничего не понимаю... А Сучок-то каков!»

Плотницкий старшина и впрямь не походил сам на себя. Строптивый коротышка, не признающий над собой ничьей власти и готовый спорить с кем угодно по любому поводу, а то и за топор схватиться, казалось, струхнул перед грозной поварихой. Конечно, Плава за себя всегда умела постоять и тоже спуску никому не давала, но с артельщиками до сих пор жила мирно и полюбовно. Да и все равно, какая ни на есть, а баба старшине артели не указ.

«Ну-ну, вот только слезу пустить – и прям страдалец. Нечисто тут... Наверняка что-то замыслил. Сколько он здесь обретаётся, никто за ним такой слабости не замечал. Прогнать, что ли? Так он только на это и напрашива-

ется. Видать, и Плаву нарочно разозлил. Велено ему, вишь... Кем велено? Что ж меня Мишианя-то не упредил, разберись теперь...»

И тут на Сучка налетел злой и взъерошенный Кузька.

– Ты что, недомерок лысый, совсем обнаглел?! – Кузька попытался рывкнуть, но дал петуха – голос подвел, однако парня это не смутило, и он, набрав побольше воздуха, продолжил: – Тебе что старшина Михаил третьего дня велел? Боярыне голову морочишь? Ты с чего решил, что она приказ Михайлы отменит?! А ну, иди, делай что велено! Анне Павловне и без тебя докуки хватает!

«Вот только что стоял передо мной благостный, меня успокаивал и Филимону послушно поддакивал, а сейчас ровно с цепи сорвался. Откуда что взялось?»

– А забудешься, так я тебе снова голову поправлю, – продолжал разнос оружейный мастер Младшей стражи. – Только у меня меткость похуже, чем у Михайлы, в кузне недосуг тренироваться. Гляди, вон уже отроки на твои вопли оборачиваются.

Сучок сник и поспешно замахал на Кузьму руками:

– Да ладно, ладно... Понял я уже... – и направился к своим помощникам, всем видом являя обреченную покорность, но умудряясь при этом что-то бурчать под нос.

Кузьма же повернулся к Анне и пояснил:

– Михайла нарочно выжидал и велел дымоходы перестроить, только когда полусотня уйдет. Готовить-то сейчас впо-

ловину меньше приходится, так что Плава пока обойдется. А мастера по одному дымоходу за раз все и переделают. Он где-то такую хитрую штуку вычитал, что ежели в дымоходах заглушки устроить... – о любых новшествах Кузьма был готов говорить до бесконечности. – Пусть только Плава тогда кого-нибудь на ночь приставляет следить за этим делом.

– Кого это – «кого-нибудь»? – немедленно взвилась Плава. – У меня на кухне и так рук не хватает, а теперь еще придется и по ночам за печами следить? Мало мне мороки с этими лентяйками?! Нет уж! Мне Михайла ничего не говорил, и на кухню я никого не пущу, пока сам старшина ваш не прикажет! – Плава совсем уже собралась нырнуть обратно за занавеску, но иначе – прихватить скалку, а Анна открыла рот, чтобы окоротить разошедшуюся стряпуху, но тут Кузьма неожиданно даже для самого себя и на Плаву рывкнул точно так же, как перед этим на Сучка:

– Ну, так я тебе и приказываю!

– Ты? – Плава сначала оторопела от неожиданности, потом набрала воздуха, чтобы высказать все, что она думает о такой наглости мальчишки, да так ничего и не произнесла. До нее вдруг дошло, что Кузьма, которого она и видела-то не каждый день, имеет полное право говорить так – он же и в самом деле тут остался за старшего. И, главное, тоже – Лисовин.

Пока она приходила в себя от этого открытия, Кузька кивнул все еще стоящим в нерешительности работникам:

– Идите работайте, чего встали? – и, моментально забыв про них, обернулся к наблюдавшей за ним боярыне.

– Теть Ань, ежели что надо, ты сразу за мной посылай, я любого окорочу. Пусть знают, что у Лисовинов хозяйство без мужского пригляду не останется.

Почтительно поклонившись, Кузька ухмыльнулся, сбрасывая невесть откуда взявшуюся личину хозяина, и поспешил опять в кузню.

«Личину ли? С чего ты взяла, что он притворялся? Может, это просто отрок становится мужем, таким же, как отец? А Кузьма-то – вылитый Лавр. И неважно, что мальчишка пока – в нем сейчас муж просыпается, защитник и опора.

Мишаня, молодец, и об этом подумал: не просто в поход ушел, а себе замену оставил, мне помощь в делах. Да что там помощь! Есть все-таки вещи, в которые бабе вмешиваться не след... разве что уж самый край приходит и ни одного мужа рядом. Но меня пока Господь миловал».

* * *

Сейчас, после всего, что произошло в Ратном, Анне, ощутившей свое боярство по-новому, случай возле кухни представлялся совершенно в ином свете. Вспомнила про него и запоздало расстроилась.

Тогда ей следовало сразу же решительно прекратить пе-

репалку Плавы с Сучком, а она полезла выяснять да разбираться. Да какая разница, о чем они там спорили?! Нечего лаяться при боярыне, и весь сказ!

И Кузька, паршивец, тут же влез со своим: «Ну так я тебе и приказываю!» Анна-то умилилась на племянника, а ведь он тогда не столько ее выручил, сколько всем показал ее неспособность командовать и попытался оттереть в сторону.

«У щенка зубки режутся, не иначе».

Если Мишаня отдал приказ, то его должно исполнять, и подтверждать его Анне или Кузьме незачем – приказ есть приказ! И наплевать, какие там были у поварихи причины его оспаривать! Приказ не обсуждают, а исполняют.

«Да-а, небось, Мишане перечесть поостереглись бы, хоть он голоса обычно не повышает и рукам воли не дает. А Кузька-то, зараза, слабость мою почуял, ишь как повернул: «Ежели что надо, ты сразу за мной посылай, я любого окорочу». Ну, помощничек...»

* * *

Оказалось, Мишаня не одному Кузьме указания оставил. Когда Анна заглянула на склад, проверить, что там происходит в отсутствие Ильи, то обнаружила еще одного племянника. Никола уверенно отдавал распоряжения отрокам купеческого отделения, то и дело сверяясь с какими-то записями.

– Здрава будь, Анна Павловна! – парень степенно покло-

нился, явно кого-то копируя.

«Батюшки, и этот – вылитый отец! Ну, Никеша, будет тебе подарочек, когда доберешься до нас! Ишь ты, как распрямился-то, соколом смотрит! Только вот странно, почему Мишаня вместо Ильи его оставил, а не Петра. Никак, еще одного брата вверх подталкивает? И правильно, сынок».

Заметив краем глаза движение в стороне, Анна обнаружила, что Никола, при всей его уверенности, без взрослого пригляда не оставался: жена Ильи за его дело тоже болела и, не прячась, но и не выпячивая своего присутствия, зашла посмотреть, как справлялся со своими обязанностями ново-явленный родственник.

Ульяна до сих пор не могла свыкнуться с мыслью, что ее до недавнего времени незаметный муж вдруг породнился с самой влиятельной семьей в Ратном, а тут, в строящейся крепости, и вовсе заделался начальным человеком. Но если раньше она и сама ничем не выделялась на общем фоне ратнинских баб, разве что рассудительна была поболее иных, то теперь, не теряя своей степенности, распоряжалась всеми крепостными прачками, не давая им лениться и строго спрашивая за работу.

«Можно подумать, с малолетства приучена холопками командовать! Ведь недавно еще сама все делала, своими руками. Бывало, и у соседок, кто побогаче, подрабатывала, а сейчас и не скажешь по ней, что Илья одну холопскую се-

мью у батюшки Корнея только-только прикупил. Ладно, за склады и кладовые можно не беспокоиться: Ульяна за Николой присмотрит и до свары не доведет... Да и отрокам не позволит ссориться, даже если Петр недоволен таким возвышением единокровного брата».

То, что бабы, приехавшие в крепость перед самым уходом полусотни, оказались настоящим подарком судьбы, Анна уже поняла. И тихая Ульяна, и громогласная Верка, и непонятная пока до конца Вея – все они без лишних слов, как само собой разумеющееся, сразу же взяли на себя часть ежедневных хлопот, незаметных стороннему взгляду, но известных каждой хозяйке. Тем более что помимо этих, хоть и отнимающих время и силы, но обыденных бабьих забот Анна вдруг обнаружила и множество иных, о которых доселе и не думала. Только сейчас она стала понимать, как не по-женски тяжела та ноша, которую она взвалила на себя, не просто переехав сюда из Ратного, а оставшись в крепости за старшую. Мужская ежедневная ответственность за все и за всех – готова ли она к ней?

Ратнинские жены, проводившие мужей в поход, привычно справлялись с бабьими делами, при нужде взваливая на себя и мужские обязанности по хозяйству, пока мужа и сыновья воевали. Но в селе всегда оставался кто-то, кто принимал на себя иное, что бабам и в голову не приходило. Мужья уходили, но оставался Аристарх – и все шло так, как и должно

идти. В мирное время в Ратном, кроме старосты, жил еще и сотник. Корней бывал громогласен, гневлив не в меру, бражничал, но... старшие исправно обучали отроков, десятники держали свои десятки в порядке, и сотня жила вроде бы сама по себе. Сотник же ломал голову о том, что надлежит сделать в будущем, чтобы жизнь и дальше катилась по накатанной колее, да не в глухомань, а по торной дороге. И все, что он делал, зачастую вызывая недовольство, а то и гнев тех, кто не мог постичь конечной цели и смысла его поступков, направлялось именно на благополучие всей общины, ее выживание.

Вот и Мишаня... Мальчишка совсем, но в крепости, пока он рядом был, Анна не замечала многого, хотя и гордилась тем, что ее величают боярыней и беспрекословно слушаются. А получается, что боярыней-то она была не сама по себе — за его спиной.

* * *

И снова, вспоминая первый после ухода полусотни в поход день в крепости, Анна подсадовала на себя. Новая Анна на Анну прежнюю. Как она лихо все разложила и подсчитала: этот за меня, эти тоже за меня, и вот эти, если придется, тоже на мою сторону встанут... А на самом деле? Наставников в крепость прислал Корней, а к Анне они относятся... Филимон, когда объяснял про воинские сигналы, обращался вроде бы к Кузьме, а вразумлял-то боярыню! Илью в кре-

пость зазвал Мишаня, Арину – тоже, Юльку прислала Настена, Плаву привез Роська...

«Кого ж ты сама-то привела под свою боярскую руку, а, Аннушка? Выходит, только Алексея, да и то он не к боярыне пришел, а к своей любушке. Сучка с артельщиками решила обласкать и приблизить? А они уже и так с потрохами Мишанины – он же им возможность выкупиться устроил. Кто ж еще-то? Верка, Ульяна, Вея? Так они вслед за мужьями... А что помогать мне взялись, так сами, по своему желанию. Вот и все ТВОИ люди, матушка-боярыня – один Леша, да и для него ты вовсе не начальник человек, а...»

Анна поморщилась и снова задумалась, перебирая в памяти всех живущих в крепости. Со взрослых мысли перескочили на молодежь.

«Девуцы... да, они мои – каждую либо я сама выбрала, либо меня попросили, но все равно решала я. А толку-то с них? Выдадим замуж и разлетятся. Отроки... Да, Никола-то как давеча на складе распоряжался! Спокойно, деловито, уверенно. То-то он мне Никифора напомнил. А ведь Мишаня как-то обмолвился, что хочет его возле себя оставить, чтобы всей торговлей Академии тоже родственник занимался. Вот его бы приголубить надо, своим сделать – лаской, а не силой, как Листвяну. Хотя торговля...»

В Ратном, как, в общем-то, и везде, всеми вопросами купли-продажи занимались мужчины. Даже у вдов всегда находился какой-нибудь родственник, чтобы принять на себя

эти заботы. Женщин к этим вопросам если и привлекали, то только когда дело касалось чего-то по их части, для совета. Но чтобы бабы решали что-то в торговых делах семьи – такого не было.

«Ну и что? Я же не просто баба, а боярыня, мне ли не знать, что крепости надо! Тут только заранее хорошенько разобраться, что мы можем на продажу предложить, чем сами себя обеспечиваем, а что придется на стороне покупать.»

Ну и разберусь! И станет Никола под моей рукой ходить. Правда, получается, что он не просто подчиненный, а племянник, как Демьян с Кузьмой или Петр с Павлом. Он мне и по-родственному подчиняться должен. А вот такие подчиненные, как у Корнея или Мишани – не родня, но под руку приведенные... Да, у Николы же свои помощники есть – сыновья Ильи! Им Мишаня за это с купеческими детьми учиться дозволил.

Вот и сделаю Николу их начальником. Они, конечно, и так ему помогают, но если я это своим боярским словом решу... И Николе лестно, и ребята гордиться станут – как же, на службу поступили! А плата... дам долю от торгового прибытка. И станут они через это МОИМИ людьми. Только надо все как следует вызнать у Осьмы, да и у Никеши, когда увидимся, а то возьмусь, не знаячи, и получится, как с крепостным строением...»

В тот же день, когда с утра Плава скандалила с Сучком, перед самым обедом боярыню разыскал мастер Нил:

— Анна Павловна, твое слово требуется. Не знаем, оставить, как есть, или переделывать велишь? Филимону-то наверх не залезть, так я Макара позвал, он глянул, вроде одобрил.

— Ты о чем?

— Дык, про помост для стрелков, вон, один уже устроили... временный, пока стены-то не закончены.

«Господи, какой помост? Я про него в первый раз слышу. Чего я там увижу — так или не так?»

Мастер вопросительно смотрел на боярыню, ожидая ее решения. Пришлось идти вместе с ним, подниматься на стену, осматривать, ничего в этом не понимая, места, приготовленные для стрелков. А куда денешься? Выказывая уверенность, которой она вовсе не ощущала, Анна поинтересовалась, будет ли что подобное устроено на других участках стены, внимательно выслушала объяснения Нила, велела впредь сначала непременно показывать готовое оставшимся в крепости наставникам.

— Да это когда еще сделаем, Анна Павловна, — Нил почесал в затылке. — Тут же сначала стену до нужной высоты довести потребуется...

Останавливая ненужные ей сейчас подробности, Анна строго заметила, что, сколько времени полусотня в походе пробудет, неизвестно, а строительство крепости должно идти своим чередом.

— Как доведете, так и покажете, а кому — наставнику или самому бояричу Михаилу, когда он милостью Божией вернется — там видно будет. А сейчас передай остальным, что хвалю за усердие.

— Благодарствую на добром слове, Анна Павловна.

Нил вежливо поклонился, но у Анны осталось ощущение, что мастер ожидал от нее чего-то еще: то ли каких-то вопросов, то ли указаний, бог весть. И только спустившись во двор и довольно далеко отойдя в сторону, Анна спохватилась, что, наверное, надо было назначить какой-то десяток отроков, чьим местом по тревоге будет этот, новый помост. А может, не целый десяток, а только пятеро стрелков? И вообще, хорошо было бы сразу завести туда отроков, чтобы под приглядом Макара они хотя бы по разу с того помоста стрельнули — посмотреть, что получится. А еще вспомнилось, как Мишаня с двоюродными братьями отмеряли шагами расстояние от тына, окружавшего Ратное, да втыкали в снег вешки, а когда сошел снег, заменяли вешки побеленными с одного бока камнями. Может, и здесь так же надо было сделать? Или для временного помоста не требуется?

От нахлынувших вопросов Анна даже приостановилась, перебирая в уме, что за последнее время узнала о стрельбе из

самострелов. А где в других местах недостроенной крепости должны размещаться по тревоге стрелки? Лестница крутая, так что Филимону не залезть... А как тогда раненых оттуда спускать? Юльку для совета призвать? А сколько еще есть всякого, о чем Анне раньше не приходилось задумываться? Просто Анне не приходилось, а боярыне Анне, выходит, надлежит.

В конце концов, само собой пришло решение: выбрать время, облачиться в порты (а то в платье, поди, побегай по этим лестницам), и обойти вместе с Нилом все недостроенные стены, чтобы понять, где, что и как, да не стесняться поподробнее расспрашивать. Когда же сама со всем разберется, устроить учения и посмотреть, как отроки будут занимать предназначенные для них места, насколько это ловко у них получится, и прочее... о чем еще предстояло расспросить Макара или Филимона.

«Ой, Анька, куда ж ты влезла-то? Это ж воеводское место, а ты со своим бабьим умом – да в сотники преишься. Намечтала, называется, мороки себе на голову, теперь справляйся. Что и как плотники дальше строить должны? Бревна для строительства привезены, но хватит ли? Половины сотни в крепости нет, те отроки, что остались, обучены хуже; не приведи Господь, что-то случится – как недостроенную крепость оборонять, как людей защитить? Сколько поход продлится, никто не знает, а время-то не ждет, осень на носу. Запасы к зиме делать надо и для людей, и для

скотины, жилье и сараи недостроены...

О Господи, как же Мишаня со всем этим управлялся? Как батюшка Корней все это решал – а я и не замечала ничего?! Только о своих бабьих хлопотах беспокоилась, да еще на свекра злилась, дескать, дальше своего носа ничего не видит...»

Обескураженная свалившимся на нее открытием, Анна тогда чуть за голову не схватилась. Только то и удержало, что посреди крепостного двора стояла – глаз вокруг много.

«Анюта, не трусь! Как там Мишаня говорит? Мы тоже не в дровах найденные? Вот и не стой столбом, шевелись давай, отроки вон уже к трапезной подтягиваются, да и девицы с Ариной показались. Ты же этого сама хотела, да и сейчас хочешь. Отступишь – значит, не видать тебе ни Турова, ни того, что Мишаня предрекал.

А главное – сына подведешь! Они же с Корнеем на тебя надеются, тебе, бабе, мужское дело доверили. Такое признание уже много стоит – вот и оправдывай, раз впряглась! Или ты не боярыня?!»

* * *

Вернувшись из Ратного, Анна заметила, что смотрит по-иному не только на крепость и ее население, но и на самое себя. Ну, казалось бы, с чего ей смущаться перед мальчишками, тем более что отроки у паромной переправы приветствовали ее с привычной почтительностью, а вот поди ж ты!

Впервые задумалась с чего-то, как ей надобно им отвечать? Ответить на их приветствие как всегда – с ласковой материнской улыбкой или проследовать мимо с гордо-неприступным видом? А еще почему-то пришло в голову, что въезжать в крепость на телеге, пусть и особой, нарочно приспособленной для перевозки девиц, как-то не по-боярски, захотелось чего-то другого. Верхом, как Корней, что ли?

Пересилила себя – задержалась, перекинулась с отроками дежурного десятка несколькими фразами, обратилась к каждому по имени, благо обещание вышить каждому его христианское имя на рубахе девицы исполнили. Заметила, что у одного палец тряпицей замотан – поинтересовалась, что случилось, посочувствовала, но и попеняла, что Юльке вовремя не показался. Другому указала, что подсумки на поясе сдвинуть надо (слышала, однажды, как Роська это объясняет), да не просто указала, а повторила по-своему Роськины объяснения, для чего надо размещать подсумки именно так. Прочим тоже нашлось что сказать. Отроки от такого неожиданного внимания смущались и млели, а когда подбежал с докладом дежурный урядник... Анна поразила самой себе – вымахнула из телеги с такой легкостью, будто лет пятнадцать сбросила. Даже и пожалела мимолетно, что не порты-юбка на ней – еще ловчее вышло бы. Встала перед докладывающим прямо, как Мишаня в таких случаях обычно делал, а когда доклад закончился, опять-таки как сын, поздоровалась с ним за руку.

Да, что-то такое – самой непонятно что – изменилось. Уж на что Сучок... Анна, отдав вожжи подбежавшему отроку, задержалась на крепостном дворе, засмотревшись на старшину плотницкой артели: тот по-деловому, без крика и ругани, обсуждал что-то с мастером Гвоздем, тыкая пальцем в зарубки на палочке. Заметив, что на него смотрит боярыня, Сучок, разумеется, не заорал: «Чего уставилась» (на боярыню-то!) и не выразил малейшего неудовольствия, а почему-то застеснялся, суетливо сдернул с головы шапку и поклонился. Даже Гвоздь, тоже приветствуя боярыню, недоуменно покосился на своего старшину.

Неужели пришло это, как говорит Корней, «умение явить себя»? Сколько сотник в свое время талдычил об этом Фролу, а потом Мишане! Правда, толком объяснить, что это такое и как это делать, так и не мог: получалось что-то туманно-возвышенное и одновременно грозное, но все равно непонятное.

«А ведь и верно: словами-то не объяснишь! Это либо есть, либо нет... Неужто сподобилась, матушка-боярыня? Тот захотелось с седла на всех взглянуть грозным боярским оком. Вот тебе, бабушка, и хрен с горчицей, как Мишаня говорит...»

* * *

– Евдоха! Чего чешешься? Делать нечего? Живо снеси

обед в лазарет – там трое отроков болящих маются, да лекарке и девчонкам, что с ней приехали. Рысью, рысью давай! Да смотри у меня, прямо иди, нечего кренделя по крепости выписывать, как в прошлый раз! И не ври мне! – под суровым взглядом Плавы молодая холопка не посмела оправдываться. – А то я не знаю, почему тебя ноги к недостроенной казарме все время ведут! Еще раз увижу, как ты со Швырком лясы точишь, когда дел немеряно, сама выпорю!

– Видали? Даже на кухню ей некогда прийти! – фыркнула вслед зардевшейся молодухе Проська. – Ну, прям такими важными делами заняты, прям такими важными...

– Ага! – тут же подхватила Анька-младшая. – Недосуг ей! А то мы не видим ничего, дуры набитые. Да она нам на глаза показаться стыдится! Ишь, по делам ей в Ратное понадобилось, помощниц себе привезти! А сама-то с Мишкой поругалась и ждала, небось, что он за ней побежит.

– Ждать умаялась, вот и заявила обратно. А его и нету! – Проська, ни в чем не желавшая отставать от Аньки, продолжила благодатную тему. – Уж больно много о себе воображает! И чего в ней боярич нашел?

– Угу, – неожиданно подала голос Млава, – а еды-то им сколь наклали! Поболее, чем нам.

Над девичьим столом на мгновение повисла изумленная тишина: Млава, обычно настолько занятая поглощением пищи, что не замечала никого и ничего вокруг, встряла в разговор! Небывалое дело!

Анна в очередной раз подосадовала на себя за то, что согласилась взять эту толстуху в обучение.

«Ну, чисто свинья свиньей – не только сама жрет без меры, так еще и каждый кусок, другим доставившийся, узрит и пожалеет».

– Да что ж ты говоришь-то? – прервал тишину негромкий голос Софьи. – Там же не только ей, а еще и помощникам, и больным... Грех это...

– Да все равно не в коня корм! – Прасковья не дала увести разговор в сторону. – Ни кожи, ни рожи. У нас в Куньем тоже была одна... Травками лечила, пока ее не пришибли за то, что скотину сглазила. На нее ни один муж не смотрел. Так и тут...

– Так знамо дело, – хихикнула Манька. – Они ж на то и лекарки – ворожбой живут. Они и замуж-то не выходят, и рожают неведомо от кого. Разве ж на них без ворожбы кто позарится? Вот и Михайла, вестимо, не по своей воле: тощая, чернявая, ни спереди, ни сзади... Увидишь – не отплюешься. А он как привязанный за ней ходит. Опоила, не иначе.

– Конечно, опоила... – уверенно заявила Катька. – Долго, что ль, зелья-то подлить? Кто ведает, какие травы она собирает...

– Не знаешь – и помалкивай, а то мало ли... – встряла Ленка. – К тому же была бы она роду хорошего, так и жениться пришлось бы, если что, ну а так она Лисовину не пара, вот и можно... пока...

Девки прыснули в кулаки, но мигом смолкли, когда потрепавшая терпение Анна со строгим видом постучала по столу черенком ложки. Арины на обеде не было – наскоро перекусив, она убежала за каким-то делом разыскивать деда Семёна; пока занятия не начались, хотела управиться.

Саму боярыню возвращение Юльки порадовало. Плотники заканчивали работу во второй казарме, помещения для лазарета уже можно обустраивать, а кому это делать, как не лекарке с помощницами? Юлька заявила в крепость чуть ли не с самого утра на следующий же день после отбытия полусотни, да еще с двумя девками – Сланой и Аполлинарией, взятыми ею в учение. Видно, мать надоумила. У самой Настены еще с весны, помимо Юльки, многим на удивление, ученица завелась – младшая дочка Чумы чуть не каждый день к лекарке прибегала. Но та мала еще, чтобы ее в крепость отпустили, да и родители ее на Лисовинов косо поглядывали. Как уж там Настена с родней этих-то девок договорилась, бог весть, но две помощницы в лазарете пришились кстати. Впрочем, обе девчонки оказались сиротами, жили у дальних родичей и, похоже, их просто с облегчением сбыли с рук. Возможно, не без задней мысли со временем пристроить в крепости замуж – при таком-то обилии отроков.

Боярыня встретила молодую лекарку радушно, даже словом не помянув ее внезапный отъезд, но про себя не могла не усмехнуться:

«Ну что, милая, примчалась? Надеялась, что не выдержит Мишаня, за тобой побежит? Тоже мне, нашла с кем норовом тягаться. Только дурь свою да гордыню показала, ну так оно и к лучшему: легче с тобой расстанется, когда время придет. И на проводы ты не явилась – а он бы это оценил...»

Ладно, с нами породниться все равно тебе не судьба, но что ж ты брата своего названного, Матвея, не озаботилась проводить в первый поход, как должно? О чем Настена-то думала – вроде баба смышленая, подсказала бы... Хотя чего от лекарки ждать! Вот ведь, и в уме ей не откажешь, и совета у нее в чем ином спросить не грех, только не понимает она чего-то самого главного. Не умеет, не постигла, не испытывала никогда – другая у нее судьба. Потому, может, и не выходят лекарки замуж, что мудрость бабья в их деле только мешает? Одно дается, другое отнимается...»

Правда, сейчас долго вспоминать да раздумывать Анне не пришлось: девиц требовалось окоротить и направить их мысли в другую сторону. Очень уж не понравился ей застольный разговор – знала боярыня, как умеют бабы, да и девки тоже, собравшись в стаю, заклевать одну из них. И ни окриком, ни приказом дела потом не поправить. Вот и сейчас за столом явно складывалось это самое «стайное» настроение, направленное против юной лекарки.

«Даже если стоять у них над душой во время занятий, станут вести себя внешне благопристойно, но в мыслях яз-

вить и издеваться над тем, как Юлька выглядит и что говорит. Значит, большую часть урока пропустят мимо ушей. А если лекарка почувствует их настроение... а ведь запросто может почувствовать... даже и представлять не хочется, что она может устроить».

Анна, невольно поежившись, вспомнила, какое занятие устроили недавно для опричников Алексей с Юлькой. Черт ее дернул тогда подглядывать да подслушивать...

* * *

Алексей тогда выгнал всех из трапезной и велел закрыть проем, через который с кухни носили еду. Но щелочка-то осталась... вот возле нее Анна и пристроилась – больно уж любопытство ее разобрало: что это такое Лешка удумал? Проклятое любопытство бабье, полночи потом уснуть не могла.

Рассадив опричников на скамьи, Алексей велел отроку, в чем-то крепко провинившемуся и приведенному из темницы, раздеться донага. Тот было застеснялся присутствующей Юльки, но Алексей несколькими похабными шуточками, от которых и кони бы покраснели, всю застенчивость из парня вышиб начисто. А потом началось...

Сначала Юлька красной краской нарисовала на теле обнаженного отрока самые крупные кровяные жилы. Алексей забрал у нее кисточку и вдруг решительным мазком – слов-

но ножом резанул – пересек одну из изображенных лекаркой линий.

– Вот так его рубанули! Что делать надобно?

Юлька быстро и толково объяснила и показала, как накладывают жгут, чтобы раненый не истек кровью. Алексей поднял со скамьи одного из опричников, велел скинуть рубаху, изобразил краской примерно такую же «рану», а двум другим отрокам приказал повторить лекарские действия.

Так дальше и пошло: Алексей рисовал раны, Юлька показывала, что надо делать, а отроки повторяли друг на друге. Постепенно зрелище, за которым в щелочку подглядывала Анна, становилось все бредовее: обнаженные и полуобнаженные тела отроков, покрытые красными росчерками и потеками, Алексей с похабными или мрачными шутками-прибаутками – ну, прямо черт в преисподней, орущая, а то и раздающая подзатыльники Юлька со своими лекарскими снастями-снадобьями...

Ей уже казалось, что все это продолжается бесконечно долго и не закончится никогда, и вдруг... в трапезной наступила тишина. Мертвая. Все участники действия на несколько мгновений застыли неподвижно. Произошло это после того, как Алексей в очередной раз махнул кисточкой с красной краской, а Юлька, даже не дернувшись показать, мертвым голосом произнесла:

– Смерть. Ничего не сделать.

Алексей начал объяснять, как уберечься в бою от такой

раны, но закаменевшая возле щелочки Анна смотрела не на него, а на Юльку. Казалось, юная лекарка готова была кинуться на Алексея, будто тот нанес отроку рану не краской, а настоящим оружием.

Дальше стало еще хуже – все чаще после взмаха кисточки лекарка произносила все те же слова:

– Смерть. Ничего не сделать.

Но уже никто в трапезной не застывал от изумления или ужаса, а Алексей не только объяснял, как защититься от такого удара, но и как самому так же ударить. Перемазанные кровавой краской отроки наперебой начали предлагать свои способы нанесения смертельных ран, а Рудный воевода не только не пресекал это, но и, наоборот, всячески поощрял! Юлька, чуть ли не до синевы бледная, все таким же мертвым голосом отвечала, когда к ней обращались, но сама уже в разговор не вмешивалась.

Казалось, что ничего более жуткого уже не может быть, но тут Алексей взял горшочек с другой краской – синей – и, оставляя отметки на мальчишеских телах, принялся спрашивать Юльку о последствиях колотых или рубленых ранений в эти места. Юлька отвечала, показывала, как оказать первую помощь раненому, объясняла, чем отличается просто ранение от увечья, а Анна все больше проникалась убеждением, что Алексей медленно, но верно превращается в смертельного врага юной лекарки.

Отроки же... И надо было бы Анне осенить себя крест-

ным знамением, да рука не поднималась; надо было бы немедленно уйти, чтобы не видеть этого, да ноги не слушались. Отроки, их глаза, голоса, движения... вот тут-то и поверила Анна в рассуждения Настены о сидящем внутри каждого мужа звере! Разобрав лежащие в углу деревянные мечи, мальчишки азартно, так, что Алексею приходилось осаживать наиболее горячих, пробовали наносить друг другу удары в помеченные красной и синей краской места. Кто-то вскрикивал от боли, кто-то ругался, на диво хорошо усвоив Алексеевы уроки сквернословия, кто-то просто рычал, озверев. Постепенно лезвия учебных мечей начали пачкаться в красное и синее, а Анна впервые задумалась, не напрасно ли она отмахивалась от пустых, как ей казалось, предупреждений (дескать, завидуют бабы), что этот неизвестно откуда явившийся в Ратное чужак страшен и темен. Мало того что сам когда-то зверствовал и, не скрываясь, говорил ей об этом, так и в отроках сейчас пробуждал зверенышей.

Потом, вечером, ей пришла в голову мысль, что надо бы пойти к Юльке, вынужденной принимать участие в столь отвратительном для любой лекарки действе, посидеть с ней, поговорить ласково, погладить по голове... Почему-то казалось, что именно погладить по голове очень важно и нужно. И... не смогла! Сама, конечно, виновата – в лазарет идти надо было сразу, как только подумала об этом, но отчего-то заробела, задумалась, а потом стало приходить понимание истинного смысла одиночества лекарок. А ночью, когда все-

таки удалось заснуть, мучили кошмары.

Анна понимала, что Юлька, при всем ее малолетстве, уже давно приучена со спокойной рассудочностью смотреть на любые страшные раны, даже настоящие, а не воображаемые. И то действо, при котором ей пришлось присутствовать, вызвало у дочери Настены отнюдь не смятение чувств, вполне объяснимое у девицы. Нет, это было не что иное, как отвращение жрицы Макоши к своему старому врагу – Морене, воплощавшей смерть. И к тому кровавому безумию и жажде убийства, что возбуждал в мальчишках Алексей.

* * *

Сейчас, глядя на девок, злословящих о Юльке, Анна вспомнила тот урок.

«Показать бы вам, дурехам, хоть часть – половина бы в беспамятство брякнулась, а остальные лужи под себя напустили... Юльку бы за версту обходить стали, а Алексея... Хм, ну себе-то хоть признайся, матушка: чувствовала тогда отвращение и ужас, но ведь и заворачивал тот ужас – глаз отвести не могла! Правда, это ты, взрослая баба, а девки после такого зрелища стали бы шарахаться от Рудного воеводы, как от нечистой силы. Да, не зря говорят про таинства мужские и женские: есть у нас много такого, что мужам знать не надо, но и у них тоже найдется нечто, противное женской природе».

Но позволять девкам и дальше чесать языками нельзя, разойдутся – добра не жди. Юлька к своему искусству относится истово, пренебрежения или невнимания не потерпит, а характер-то железный, и язык – что жало...

– А ну-ка, умолкли все! Молчать, я сказала! Лекарка и ее помощницы при раненых и больных состоят и едят с ними из одного котла. Недосуг им тут с вами, болтушками, лясы точить. А вы, чем хаять ее заглазно, подумайте о том, что и вы с завтрашнего дня станете у нее учиться, как раненых встречать и обихаживать.

Две девчонки, сидевшие на разных концах длинного стола, попытались что-то сказать боярыне, но она только махнула рукой:

– Знаю, у всех в семьях немощные да больные бывали, все хоть что-то, да умеют. Но этого мало! С боевыми ранениями вы, почитай, и не встречались, а это совсем другое. Для лечения у нас, слава богу, Юлия есть, а вот выхаживать раненых – самое что ни на есть женское дело. Нам немало постараться придется, а лекарка в своем ремесле вам такая же наставница, как прочие. – Юлька? Наставница? Соплюшка эта? Она что же, и наказывать нас будет за нерадение?

Подать голос осмелилась только Прасковья, но Анна понимала, что ее настроение разделяют почти все девицы. «Стаю» надо было разбивать.

«Ну что ж, как говорит Мишаня: «Разделяй и властвуй».

– А ну-ка встань!

Проська поднялась с видом оскорбленной невинности, а остальные девки уставились на Анну, ожидая продолжения.

– С Михайлой, говоришь, поссорилась? А ты вот осмелилась бы с ним поругаться? Не просто поперек что-то вякнуть, а по-настоящему полаяться?

Удар был неотразимым, ибо большинство девиц не то что пререкаться с Михайлой – даже и заговорить с ним робели. Проська тут же угасла, да и многие из присутствовавших уткнулись носами в миски.

– Вот так-то! – закрепила успех Анна. – А Юлия перед ним не робеет, да и остальные отроки ей беспрекословно подчиняются, а тех, кто пробовал выкобениваться – мол, девчонка-соплюшка им не указ... рассказать, или сами помните, как она их в покорность приводила?

Напоминать не пришлось – Юлькины «методы убеждения строптивцев» уже стали чем-то вроде местной легенды. Мишке еще ни разу не пришлось выполнять свое обещание самолично разобраться с тем, кто обидит лекарку.

– Ну? – Анна уперлась взглядом в Прасковью. – По-прежнему не веришь, что лекарка на тебя при нужде управу найдет? Или, может, кто-то из вас сомневается?

Сомневающихся, при внимательном рассмотрении девичьего десятка, не нашлось, однако Анька-младшая, конечно, не могла упустить случая показать свое превосходство над соученицами.

– Подумаешь! С Минькой поругаться! Да я...

– Встать! – хлестнула голосом Анна. – И что же ты? Ну, говори, говори.

– Да я с ним не то что ругалась – граблями по морде охаживала! – Анька победно огляделась по сторонам. – И ничего, только ойкал!

Анна никак не прокомментировала похвальбы дочери, а подняла из-за стола Марию.

– А поведай-ка нам, доченька, что с твоей сестрой после того великого деяния случилось?

– Так чего, матушка... нужники несколько дней мыла да драную задницу почесывала. А драл ее дед на крыльце, при всех, подол вздев...

– Именно! – Анна и сама не заметила, как, копируя Корнея, подняла к потолку указующий перст. – Нужников в крепости хватает, да и задницы у вас у каждой всегда при себе, разве что за вожжами сходить придется. Ты как, доченька, все еще гордишься той своей дурыю? – Анна помолчала, как бы ожидая ответа, и добавила под осторожное хихиканье девиц: – Уже нет? Ну и ладно. Умница. Теперь ты, Млава. Встать!

– А чо я-то?

Толстуха вполне искренне удивилась, не подозревая за собой никакой вины. Но вина, конечно, имелась, хоть и знала о ней пока одна только боярыня Анна Павловна. Этот воспитательный прием она подсмотрела у наставников-воинов, и поскольку применяли его все, значит, в воинском обучении

это дело привычное, проверенное временем, то есть вполне надежное. Если отроки, десяток или даже больше, дружно в чем-то упорствовали, ленились или еще как-то проявляли совместное непослушание, наставники по одному вызывали из строя заводил или наиболее нерадивых и заставляли их по несколько раз выполнять приказ в одиночку. Сопровождалось это, естественно, произнесением всяких, отнюдь не ласковых речей, а зачастую и чувствительным телесным наказанием. Продолжалось такое воспитание до тех пор, пока у всех парней начисто не пропадало желание оказаться одному перед строем, после чего занятия шли уже так, как считал нужным наставник.

Сегодня Анна впервые испробовала этот способ на девицах. Кажется, получалось, но успешное начинание следовало продолжить, и Млава для такого продолжения вполне подходила.

– Ты! – боярыня обличительно направила на толстуху указательный палец. – Ты посмела попрекнуть куском лекарку и ее помощниц. Они здоровье и жизни наши берегут, больных и раненых на ноги поднимают, а по-твоему, они своей кормежки не заслужили? Так, что ли?

Казалось, и без того вытаращенные от удивления глаза Млавы невозможно распахнуть еще шире, но она как-то умудрилась.

– Ты, ты, ты! – Анна по очереди потыкала указательным пальцем в сторону девиц, сидящих за столом. – Какой от вас

в крепости прок? За что вас кормить? Ну, можете ответить?

Вопрос, разумеется, был риторическим, и ответа боярыня могла бы ждать до утра – все равно бы не дождалась, но требуемого результата добилась: не только те, на кого она указала, но и другие залились краской и потупились.

– Юлия может научить вас приносить пользу, хоть как-то оправдать ваше пребывание здесь, а вы, нет бы перенять что-то нужное, злоязычничать принялись? Да еще заранее оговариваетесь, что вас наказывать нельзя? А на что вы тогда нужны?

Сработал-таки старый воинский способ! Исчезла стая, готовая заклевать юную лекарку, осталось сборище перепуганных, пристыженных, растерянных девчонок – каждая со своим грехом и стыдом за него. Каждая старалась сделаться поменьше и понезаметнее, чтобы боярыне не пришлось в голову и ее поднять из-за стола. С такими Юлька сможет творить все, что пожелает, и ни одна пикнуть не посмеет... Ну, может, одна-две и посмеют, но остальные их не поддержат.

«Ох, не зря священники о греховности твердят – с паствой, которая постоянно чувствует себя в чем-то виноватой, куда легче управляться. Тоже, поди, древняя мудрость под стать воинской. Хотя... вон Прошка с Артемием никогда же девок не наказывают – убалтывают как-то, каждый по-своему. Святые отцы, кстати сказать, тоже словесным искусством владеют, да еще как! Ну вот, матушка-боярыня, учись, коли повелевать взялась, а то ведь опять

своего добиваюсь силой, страхом... А как по доброму-то?»

Вечером того же дня Анна с Ариной слышали продолжение разговора об Анькином «боевом подвиге с граблями». Девки, собравшись вокруг Машки, чему-то смеялись, поглядывая на стоящую тут же надутую и злую Аньку. Оказывается, Мария поведала им, из-за чего в тот раз Анютка так взъелась на брата, что аж с граблями кинулась. История с измышленным острым на язык Мишаней сватовством Бурея и сейчас доставила всем немало радости.

– Бурей!!! Ха-ха-ха!!! Посватался!!! – доносились до боярыни и ее помощницы восторженные всхлипы девчонок.

– Ань, а ты и размечталась, поди?

– А чо? Бурей хозяин справный, не абы кто – старшина обозный! И роду, сказывают, знатного, из себя видный, хоть и в годах.

– Так зато от молодой да горячей гулять не потянет!

– Вот-вот... И бабы на такого не позарятся, спать спокойно можешь, не отобьет никто. Весь твой будет!

– Да тебе после Бурея в Турове любой красавцем покажется!

– Он же из походов привозит поболее иных воинов. Анька-то подарки любит...

– Ух, он ее бы и одарил! – девки резвились, как могли, а у Анны-младшей от злости кулаки побелели. Губу закусила и, видно, слов не находила, чтобы сразу всем ответить...

Анна решила вмешаться – хорошо еще, если дочь словами ограничится, да Арина придержала ее за рукав и указала глазами на Анюту. А та, уже готовая ринуться на обидчиц, вдруг увидела наставниц и как на стену натолкнулась. Остановилась, словно вспомнив что-то, распрямила спину, состроила, пусть не особо убедительно, спокойное лицо, разжала кулачки, скрестила руки на груди и почти невозмутимо взглянула на продолжавших потешаться девок. Анна замерла, с интересом наблюдая, что будет дальше. А Анька еще постояла, послушала и, выбрав момент, когда изнемогающие от смеха подружки замолчали, неожиданно совершенно ровным голосом поинтересовалась:

– Ну что? Все сказали или еще чего умное поведаете?

Анна от такого Анькиного выверта оторопела. Да не только она – девки во главе с Машкой уставились на Анютку, выпучив от неожиданности глаза. А та с усмешкой продолжила:

– И чего смешного-то, что я тогда поверила? Воин же сказал. Да и почему ко мне, боярышне из рода Лисовинов, Бурей посвататься не мог? Али ему с нами породниться не почетно? Не по его рылу крыльцо, конечно, ну так на то я и разозлилась! А дед меня за то проучил, чтобы честь боярскую не роняла да мыслей глупых не смела допускать, что меня, внучку сотника, за обозника, хоть и старшину, отдать позволят!

Развернулась и пошла прочь с гордо поднятой головой. Машка губу с досады прикусила, глядя ей вслед – это ж надо!

Дура Анька ей нос утерла!

Анна обернулась к едва сдерживающей смех Арине:

– Ты, что ли, научила ее так ответить?

– Да бог с тобой! – искренне удивилась та. – Я и не ведаю, что за история у вас там была.

– Неужто Анята сама сообразила? – Анна покачала головой, глядя вслед дочери. – Ну, чудеса!

– Так не дура же она у тебя, – пожала плечами Арина. – Просто думать раньше не удосуживалась, а как хоть чуточку попробовала, вон что получилось. То ли еще будет, помани мое слово!

«А вот у Арины с Анькой как-то по-доброму получилось. И ведь не указывала она ей, как поступать, что говорить... Да и не научишь на все случаи. Научила думать... интересно, как? Не прикажешь же: думай. Как-то иначе, значит, можно... Не забыть бы расспросить Арину».

Глава 3

Встречи с ратнинской лекаркой Настеной Арина ожидала с нетерпением и тревогой. Пока в ее жизни не появился Андрей, она старалась не думать о своем бесплодии – казалось, теперь-то, после смерти Фомы, какая ей разница? А вот сейчас извелась: бабкиным словам верить очень хотелось, но ведь так и не родила от мужа! Размечталась, разлетелась со своей любовью, но Андрею же детей надо, зачем обнадеживать, если родить ему не сможет?

Не только это волновало ее в предстоящей встрече. Про языческих жриц она от бабки, конечно, наслышалась. Прото, что бабка и сама жрица, Арина не то чтобы не задумывалась; потом уже сообразила, что та каким-то образом поворачивала мысли своей ученицы от опасной темы. Но одно дело слышать, а тут, поди, доверься такой. И не то чтобы опасалась, просто понимала: придется заглянуть в тот самый тайный мир, чье присутствие здесь она уже ощутила – знакомство с Аристархом до смерти не забудешь. И то, что мир этот скрыт от посторонних, не делает его менее важным и значимым для жизни всей общины.

Отец Михаил, конечно, за умы и души прихожан борется, но у кого тут власти больше – еще очень большой вопрос. В Турове да и в Дубравном сила христианской веры несомненна; бабка-то ото всех таилась, оттого и считали ее у них трав-

ницей-шептуньей, но ведь если подумать хорошенько – не так-то все просто. Арина мала была о таком задумываться, уже потом, вспоминая, поняла: старуха немалую власть над умами односельчан имела, при желании могла повернуть так или эдак. И поворачивала! Недаром дед, а потом батюшка покойные частенько заходили к ней в пристройку вечером, когда уже и дел никаких вроде нет – так, посидеть, поговорить о чем-то.

А тут, в Ратном, не то чтобы старые боги были сильны, как раз наоборот – ратнинская сотня огнем и мечом стояла на стороне христианства, но именно поэтому ратнинцы могли себе позволить не шарахаться от старой веры в страхе. Как читал из Писания отец Геронтий: «Бог стал в сонме богов; среди богов произнес суд»⁴. Ратнинцы как-то умудрились заставить работать на пользу себе служителей старых богов! Не убивают, не изгоняют, но и воли не дают – наш Бог главный, он судит ваших богов, а мы судим вас.⁵

Но ни Настена, ни тем более староста Аристарх не выглядят живущими в Ратном из милости – как-то они на здешнюю жизнь влияют. Но вот в чем и насколько – неплохо бы разобраться. Коли ей тут жить, то это и ее коснется непременно. После знакомства с вернувшейся наконец в крепость

⁴ Пс. 81: 1.

⁵ Арина толкует смысл стиха из цитируемого псалма ошибочно, но она не священник и тем более не богослов. В том-то и смысл двоеверия: простые люди видели в христианском Боге только главного из множества Богов, поскольку сила и власть в повседневной жизни – за христианами.

молодой лекаркой Арина в этом не сомневалась.

Появления Юльки она ожидала с интересом – еще в дороге немало наслушалась рассказов Ильи. Словоохотливый обозный старшина поведал, что Михайла Юльку с детства из всех прочих выделял и сейчас ни на кого более не смотрит. Анька тоже лекарку поминала, но сильного восторга не выказывала. Напротив, возмущалась – дескать, приворожила! Ну, тут дело понятное – ревнует брата, ей никакая не угодила бы.

Тем сильнее разбирало любопытство: что ж это за девка такая? Боярич-то жених завидный: и сам по себе удивительный парень должен привлекать девичьи взоры, и родители девок, надо полагать, за счастье почтут с Лисовинами породниться. Он уже сейчас вон какими делами ворочает! Так что выбрать мог кого угодно – самая первая красавица, только бы мигнул, его была бы.

А эта оказалась совсем и не красавицей. Впрочем, чего там разберешь в этом возрасте? Девка как девка, с первого взгляда вроде и ничего особенного. Худенькая, но не сказать, чтоб костлява; лицо узкое, нос чуть вздернут, вот только коса нездешняя – темная, а в глазах читается недевичье упрямство. Чем-то козу строптивую напоминает. Нравом-то, похоже, совсем не ласкова и не покладиста, к тому же лекарка.

Все правильно: чтобы такого парня заинтересовать, девка и должна быть непростой. Но простота простоте рознь. Конечно, Юлька в свои невеликие годы уже людей лечит и не

от простуды травки собирает, а тяжелые раны да серьезные недуги врачует. Грязь, кровь, боль на себя берет, воинов утешает и обихаживает. Но и другое не след забывать – не просто так она исцеляет, а силой Макоши.

Знакомство у них с Юлькой получилось интересное. То есть вначале-то Арина издалека ее заметила, когда та с двумя девчонками в крепостной двор въезжала. А потом уже, вечером, довелось и поближе свидеться. И причиной неожиданно стала Красава. Арина так и не сумела переговорить про девчонку с Анной, несколько раз пыталась, но словно на стену натыкалась. Боярыня ее поначалу выслушала, хотя видно было, что не нравятся ей Ариныны слова. Сама же говорить не желала, и все тут! А в последний раз оборвала довольно резко:

– Красава – внучка боярыни Гредиславы! Она здесь по моей просьбе. Сама знаешь, какое у Алексея с сыном несчастье, у нас на нее вся надежда. И чем она навредить может? Дите совсем... Мишаня с ней, как с сестренкой младшей с титешных лет нянчится. Оставь ее в покое!

Но Арина чувствовала – не на нее боярыня сейчас сердится, а на собственную слабость. Возможно, и сама что-то примечала, но гнала от себя такие мысли. Не хочется ей, ох, как не хочется вникать! Потому и слушать не желает: ведь тогда уже не отмахнешься. Или тут волхва постаралась? Ведь Анна-то совсем не похожа на тех, кто себя обманывает, откла-

дывая неизбежное.

Отступить Арина не собиралась, понимала: чем дольше это тянется, тем худшей бедой рано или поздно обернется. А пока следила, чтобы Красава к ее сестренкам близко не подходила, и их самих предупредила не единожды; да малявки, как и Елька с Любовью, занятые при девичьем десятке, без дела и надзора по крепости не болтались. Вот Красава на них издали поглядывала, и очень это Арине не нравилось. А уж ее-то саму маленькая волхва и вовсе такими злобными взглядами одаривала, что казалось, вот-вот железом острым пырнет, да еще и отравленным. Хорошо, хоть старалась обходить стороной – одного столкновения ей хватило.

Впрочем, из-за присущих всякой большой стройке тесноты и беспорядка ходить в крепости приходилось, словно по узким улочкам, как уж тут хоть иногда не столкнуться? В таких случаях Красава только что не скалилась и всегда умудрялась шмыгнуть в сторону. И когда она внезапно выскочила из-за угла недостроенного сруба, ничего иного Арина и не ожидала. Но сейчас девчонка, кажется, даже не видела, кто перед ней: растрепанная, взъерошенная и чем-то не на шутку перепуганная, метнулась к Арине, словно ища спасения. Юркнула за нее, вцепилась в юбку, всхлипывая и дрожа. От неожиданности молодая наставница сначала растерялась, а потом встревожилась – что там еще случилось, если уж Красаву так напугало?

Долго гадать не пришлось. Из-за того же угла вылетела

разъяренная Юлька с зажатой в руке синей лентой – раньше такая, кажется, в косе у маленькой волхвы была. Неужто лекарка ее за косу ухватила, а та вырвалась? У Юльки-то из глаз только что молнии не сыпались!

Красава, держась за Аринкину юбку и чувствуя себя в безопасности, высунулась из-за нее и выкрикнула:

– Все равно он моим будет! Моим! Вот! – еще и притопнула, и язык показала.

«Малявка-малявкой, и голосок вроде бы детский, а словно баба норовистая скандалит. Но Юлька-то какова!»

Лекарка при виде постороннего человека мгновенно успокоилась – куда только девалась разгневанная девчонка! Перед Ариной сейчас стояла благообразная, уверенная в себе отроковица. Вот только кулак со скомканной лентой да глаза выдавали ее истинное состояние.

– Что случилось? – Арина на всякий случай заслонила от разгневанной лекарки Красаву. – Что вы не поделили-то?

Красава подняла глаза и только тогда поняла, кто перед ней. Вот тут-то ее снова пробрало! Испуганно взвизгнув от неожиданности, девчонка извернулась, словно ящерица, вырываясь из Ариных рук, затравленно шарахнулась в сторону, налетела на кучу каких-то чурбаков, запуталась в юбке, упала, но тут же вскочила и со всех ног ринулась прочь.

Арина, ничего не понимая, взглянула на Юльку:

– Это ты ее так?

Та оторвала глаза от ленты, все еще зажатой в руке, и с

отвращением отшвырнула ее в сторону, но не рассчитала, и узкая полоска ткани, подхваченная встречным порывом ветра, медленно опустилась в грязь возле самых Юлькиных ног. Девчонка брезгливо сморщилась и наступила на ленту ногой, будто насекомое какое или слизняка раздавила.

– Так что тут у вас случилось? – уже строже спросила Арина.

– Да ничего не случилось, – недовольно дернула плечом Юлька, явно досадуя на расспросы, и вдруг с интересом взглянула на Арину. – А она, никак, и тебя испугалась? Надо же... – и только после этого спохватилась и, наконец, поздоровалась:

– Здрава будь... Меня Юлькой зовут. А ты и есть новая наставница Арина?

Арина кивнула, разглядывая молодую лекарку.

– Да, я Арина. Завтра вот с девками к тебе приду заниматься. Я и сама хочу поучиться уходу за ранеными. Не лишнее.

– Ага, я уже знаю, – Юлька тоже внимательно рассматривала Арину. Не так, как девке на старшую женщину пристало смотреть – не пряча глаз, почти нахально. Не скрывала, что рассматривает и оценивает. Арина ответила – уж что-то, а взглядом окоротить она умела. Девчонка наконец отвела глаза: продолжать такие переглядки с ее стороны было бы откровенной дерзостью – все-таки не ровня перед ней.

Вот после этой встречи у Арины тревог и добавилось. Бы-

ло о чем поразмыслить – и не радовали ее эти мысли, совсем не радовали. Не то чтобы Юлька ей не понравилась или вызвала неприязнь, нет, да и не в том дело. С самой Юлькой как раз все понятно: лекарка хоть и мала еще, но поставить себя уже сумела (это Арине особенно бросилось в глаза) и совладать с собой способна даже в горячности. Да и помимо присущего любой женщине умения на людях выглядеть совсем не так, как наедине с собой, в Юлькиной выдержанности явственно выделялась именно лекарская привычка являть окружающим уверенность, твердость, убежденность в своей правоте.

«Она с больными и ранеными должна уверенно управляться, своей воле их подчинять. Коли собой владеть не способна да сильного характера нет, так и не выйдет ничего. Как там она с бояричем или боярич с ней разбирается – их забота, нравится ему – значит, ладят как-то, а вот с Красавой... Они же обе здесь без взрослого пригляда... Мало ли, что в полную силу пока не вошли.

...Юлька с бояричем, значит? А не про него ли эта малявка сейчас крикнула: «Все равно ОН моим будет»? Анна говорила, что Михайла с ней возился, как с сестренкой... Влюбилась, что ли? Детская влюбленность может растаять, а может потом в такое вырасти... А если ее бабка на то и рассчитывает? Ох, неужто и волхва, и лекарка через этих девчонок за душу боярича бьются? И за власть в крепости? Расчетливо и осознанно?

А сами девчонки? Ведь ни одна, ни другая ему женой не станут. Или волхва все-таки надеется? Древний боярский род, Анна сказывала... Окрестят Красаву, дело нехитрое. Неужели так и задумано? И будет у Михайлы жена с такими глазами... брр...

Господи, Андрей-то при Михайле все время состоит, значит, и его это затронет?! А как?

А Юлька? Бабка как-то обмолвилась, что любовь лекарки душу выжигает, и мужам от них надо держаться подальше, не то пропасть можно. Вот же, не расспросила тогда, ни к чему было, а бабка и не пояснила. Но пока что не похоже, что у Михайлы душа...

Не похоже? А разговоры, что душа у него, словно у старца умудренного... Нет! Пустое оно! А вот то, что маленькая волхва с лекаркой его не поделили, и чем оно для Андрея обернется – не пустое... Мало было тревог, так еще одна заботушка! Одно хорошо – не новое это, значит, уже давно тянется, бог даст, погодит до возвращения полусотни, тем более что и Андрея, и самого боярича сейчас нет».

На занятиях в лекарской избе Арина к Юльке потихоньку присматривалась. За обучение девиц молодая лекарка взялась решительно, но наставнице все время приходилось держаться настороже, потому что при Юлькином ершистом характере и обычной девичьей склонности к ехидству их с девками никак не следовало оставлять без присмотра.

Правда, как по заказу, еще и Вея в первый же день попросила разрешения учиться вместе с девичьим десятком, когда время найдется.

– С ранами от зверей я уже дело имела, – пояснила же-на Стерва. – Они, конечно, и пострашнее воинских бывают, но все равно – иные. А у меня теперь воины в семье появились... мало ли. Не всегда лекарка-то рядом окажется.

Арина тогда о своем подумала: ухаживать за недужными ей, конечно, уже приходилось, но с Веиным опытом и не сравнить. Так что позволила, не раздумывая – тут разрешения боярыни не требовалось. А про себя порадовалась: две бабы на пятнадцать девиц – не одна, все легче будет.

В самый первый день Юлька, хмуро оглядев девок, стоявших кучкой, сообщила:

– С ранами да перевязками я и сама справлюсь, хотя и вам покажу потом. А вот перенести раненого из телеги сюда да на стол мне положить сможете? Или лежачего накормить-напоить?

Девки переглянулись, а Проська фыркнула:

– Тоже мне, умение...

– Ну, значит, это и будет вам первое задание! – сразу ошетилилась Юлька. – Вон трое болящих есть, их обихаживайте!

Отроки, попавшие к Юльке на попечение с разными, в основном нетяжелыми недугами, вроде чирья на задугу или вывиха ноги, откровенно скучали от безделья и поначалу отнеслись к прибытию девичьего десятка как к неожиданному

и приятному развлечению, но радость их длилась, увы, совсем недолго. В первый день трое «тяжелораненых» пострадали не сильно, если не считать того, что на пареную репу, огромный горшок с которой выделила для занятий Плава, они к вечеру смотреть не могли. Каждого из отроков ею по очереди попотчевали пятеро девиц, старательно запихивая ложку в рот и требуя, чтобы непременно проглотил. А после еще по указанию Юльки умывали и вытирали лицо. Самим же мальчишкам при этом приказано было лежать, не шевелясь, и девицам не помогать.

Девки, надо сказать, справлялись с делом более-менее ловко – почти у всех в семьях росли младшие сестренки-братишки, да и недужные случались, и кормить-поить их приходилось, разве что не так вот – совсем недвижимых. Мелкие недоразумения, вроде соскользнувшего к уху или упавшего за ворот рубахи куска вконец остывшей репы, в счет не шли – наловчились девицы быстро. Одна Млава с такой тоской во взоре провожала каждую ложку, что Терентий, на чью долю выпало стать ее подопечным, в конце концов не выдержал:

– Да ты сама-то хоть чуть поешь, что ли... – пробухтел он с набитым ртом, силясь проглотить очередной кусок. – Я же все равно видеть эту репу уже не могу, а как на тебя гляну, так и вовсе все назад прет!

– Не-е... – испуганно замотала головой девка, грустно глядя на остатки еды в миске. – Нельзя мне... – и вздохнула со слезой в голосе, – я же не нарочно... Оно само так смотрится.

Еще тяжелее пришлось мальчишкам, когда Юлька показала, как надо правильно поить лежачего больного, и потребовала, чтобы каждая из девиц повторила все ее действия – и чтобы непременно правильно! Девчонкам-то что – только хихикали да взвизгивали, когда слишком сильно наклоняли берестяную поилку и вода лилась, мягко говоря, не только в рот, а вот отроки в результате сего действия разве что не плавали на мокрых тюфяках. Но лекарка и из этого умудрилась извлечь урок:

– Постель перестилать да переодевать раненого тоже уметь надо, чтобы не побеспокоить лишний раз, особенно если он без сознания лежит. Вот, смотрите... – и она снова и снова показывала, объясняла, растолковывала...

«А говорят, что норовиста да чуть что гонор свой выказывает. Вон терпение какое, сколько раз повторяет да смотрит, чтобы каждая девица ее поняла да все правильно сделала. И с отроками обращается бережно, хоть они раненых только изображают. Повезло Михайле: такую лекарку сумели в крепость залучить, даром что молода еще».

В следующий раз Юлька попросила дежурного урядника подкатить к крыльцу лекарской избы телегу и уложила в нее парней – пусть изображают привезенных раненых. А девкам вручила носилки. Вот тут-то несчастным отрокам стало совсем не до смеха.

Даже боярыня, подоспевшая к этому времени из Ратного, успела полюбоваться на их учебу, хотя ее появления пона-

чалу никто даже не заметил – такая суматоха сопровождала упражнения девиц. Тем не менее, несмотря на всеобщее оживление и раздававшийся временами смех, баловством тут и не пахло: две девчонки, Светланка с Лушкой, сосредоточено пыхтя, тащили к крыльцу носилки с отроком Гаврилом. На лице парня читалась обреченная покорность судьбе, он изо всех сил уцепился за носилки и, казалось, приготовился соскочить с них. Ничего удивительного, насмотрелся уже на мучения своих приятелей: идущая первой Лушка начала всходить на ступеньки крыльца и потянула носилки вверх. Худосочная Светланка, вместо того чтобы поднять свой край повыше, зачем-то еще больше его опустила. Гавриил непременно поехал бы вниз, да уже знал, что его ждет, и умудрился упереться еще и ногами, чем и спасся от неминуемого падения.

– Лушка! Руки опусти! – рявкнула наблюдавшая за ними Юлька. – Светка, поднимай выше! Это Гаврюха такой цепкий, а раненый пластом лежит. И неча на отроков кивать – сами носить учиться. Не всегда рядом подмога найдется.

Девки, красные от натуги, кое-как выправили положение и двинулись дальше, но, судя по страдальческой физиономии Гавриила, он не считал, что его испытания окончены, ибо сейчас парень хоть и отпустил края носилок, но сжался: явно ничего хорошего от дальнейшего не ожидал.

– Локти! – не удержавшись, крикнул он.

– Ага! – не оборачиваясь, сосредоточенно кивнула Луш-

ка и, слегка выставив в стороны локти, нащупала ими косяк двери, а потом уже стала протискиваться с носилками дальше. Кое-как осилив это препятствие, потянула свою ношу в сени, но идущая следом Светланка оказалась не столь расторопна. Гавриил, запрокинув голову назад, внимательно следил за Лушкой и на какой-то миг опоздал с очередным предупреждением. Его отчаянный вопль: «Порог!!!» – слился с не менее отчаянным вскриком споткнувшейся о препятствие девчонки, которая тут же выпустила носилки и повалилась прямо на них и на ноги взывшего дурным голосом парня. Лушка, как и следовало ожидать, не смогла одна удержать свой край, выпустила ручки и, подбитая сзади под ноги, тоже рухнула вниз, но уже на голову бедолаги.

Арина и Вея привычно растащили девчонок и в который раз за день подняли многострадального парня. Он увидел стоявшую за спинами окружающих Анну и отчаянно взмолился, забыв поздороваться:

– Матушка-боярыня! Смилуйся! – он чуть не плакал. – Сил больше нет! Сгинем все безвинно! Мы с Терентием тут мучаемся, а Акимка вон лежит...

– А что Акимка! – тут же донеслось из открытой двери. – Меня сегодня водой поили, пока не забулькал! И с головы до ног облили! Пусть тебя таскают – у тебя хоть ноги здоровые, а с меня Млавы хватит!

В ответ на эти слова грянул хохот, а подскочившие к матери Анна-младшая и Мария пытались ей что-то объяснить

– больше знаками, чем словами. Видимо, рассказывали, что толстуха, как только что Светланка на Гавриила, упала на ноги Акиму, да неудачно – ступню ему придавила. Юлька, правда, и из этого устроила урок: перетянула пострадавшую ногу повязкой, попутно объясняя девкам, что надо делать, а чего нельзя ни в коем случае, да не просто показала, а заставила каждую потом повторить уже на второй, здоровой ноге. При этом отрок, мужественно терпевший, пока ему вправляли вывих, верещал и вырывался от девок. Выяснилось, что он не переносит щекотки, а вредные девицы то и дело умудрялись цапнуть его пальцами за пятку.

К Арине Анна подошла, имея вид уже слегка обалдевший, и только спросила тихонько:

– А локти-то тут при чем?

– Локти? – не поняла было Аринка, но тут же вспомнила. – А, это когда в дверь с носилками протискиваются? Ну так, когда идут, то косяк не видят, плечи-то проходят, а руками непременно об него заденут, как раз по пальцам. И роняют от неожиданности. Вот и приходится локти слегка выставлять, чтобы понять, где надо осторожничать.

– Надо же! А на первый взгляд, дело совсем простое... – подивилась Анна, наблюдая за девицами: теперь носилки, уже с Терентием, вцепившимся в них так же отчаянно, как и Гавриил перед этим, тащили Проська с Евой. После того, как Ева, полностью подтвердив только что сказанное Ариной, благополучно забыла в дверях растопырить локти и, са-

данувшись костяшками пальцев о косяк, уронила носилки, а несчастный Терентий со всего маха стукнулся головой об порог, боярыня не выдержала и остановила занятия.

– Нет, не дело это – больных мучить! – Анна озабоченно покачала головой, наблюдая, как Юлька ощупывает затылок пострадавшего. – Поговорю сегодня с наставниками, пусть наказанных из темницы сюда присылают, что ли.

Позже Юлька еще раз проследила, как девчонки поили несчастного Акимку, и удовлетворенно хмыкнула.

– Ну вот, как переодевать лежачих и постель перестилать, я вам уже показывала, но это не все. Завтра продолжим. С ранеными всякое случается – и под себя в беспамятстве нужду справляют, обмыть иной раз надо. Приходится прямо тут, не поднимая, все делать.

Девки при этих словах захихикали, а отроки тревожно переглянулись.

* * *

Воскресный выезд в этот раз удался только потому, что в девичьи телеги запрягли Ариных лошадей, приведенных из Дубравного. Верхами всего пятеро отроков поехали, прочие сидели с девками: остальных коней забрала с собой ушедшая в поход полусотня.

Всю неблизкую дорогу до Ратного Арина обдумывала то, что не первый день вертелось у нее в голове: незримое вли-

ание языческих богов на здешнюю жизнь. Так уж выходило, что все происходящее, то, что касалось Лисовинов, а значит, и Андрея, теперь и ей приходилось принимать и учитывать. И Юльку тоже. И неважно, что она девчонка сопливая, не по годам иной раз смотреть надо – по делам. Михайла-то вон тоже пока отрок, да не простой. Вот и молодая лекарка ему под стать – не похожа она на своих ровесниц, что щебечут друг с дружкой про всякие глупости. Даже девки из десятка, хоть и постарше, а ей не ровня. Сила ведовская в ней уже сейчас немалая чувствуется, даром что она, в отличие от Красавы, ею не хвастает. Но если уж выкажет, то не для игры...

«На что она способна, коли до края дойдет? Ведь добром их с бояричем любовь не кончится, тут уж хоть как поверни, а придется по живому резать... Лекарки замуж не выходят, а если эта ради любви сама от своей стези откажется, то все равно даже представить нельзя, чтобы лекаркина дочь боярыней стала. Не позволяют старшие. Наверняка сам воевода жене бояричу подыщет и не про любовь подумает, а про то, с какой семьей породниться.

Коли Михайла деда послушает и женится, на ком тот велит, что тогда Юлька с отчаяния сотворит? Смирится? Ой, не похоже... Бороться будет? С кем? С Корнеем? Хватит ли ведунье сил противостоять сотнику христианского воинства? И только ли сотнику? С Корнеем тогда Аристарх был... Господи, опять Аристарх! Ладно, меня это не

касается...

Не касается? Как сказать... Андрей-то всегда рядом с Михайлой... А что Михайла решит? Если он не из послушания такой выбор сделает, а САМ, своей волей? Он не по-отрочески рассудочен и может сам через свою любовь переступить ради будущего. И Юлька это поймет. Вот тогда-то и полетят клочки по закоулочкам! А Настена? Остановит ли она свою дочь? Не приведи господи, Андрею придется собою боярича от этой напасти прикрывать...»

Когда служба окончилась, Арина вышла вслед за своими из церкви и вдруг растерялась. Накатила непонятная тревога, и показалось, что она осталась совсем одна, будто бы и людей вокруг нет. Это в воскресенье-то перед церковью! А Анна с девками где? Куньевские бабы только что толпились вокруг, ожидая, когда можно будет расхватать своих дочек и племянниц – неужто разошлись уже? Да и прочие ратнинцы куда делись? Только что ведь тут были...

– Здрава будь, Аринушка! – не сказал – пропел за спиной незнакомый женский голос. Вроде и ласково говорит, но Аринка не обманулась: такие-то мягко стелют, да спать бывает жестко. – Вот, значит, ты какая...

Арина обернулась и как в проруби утонула в чьих-то глазах, серых с мелкими зеленоватыми крапинками. Совсем ничего не осталось, кроме этих глаз, удерживающих ее. Вроде бы и мягко держали, но не отпускали, так что когда Арина

ощутила еле-еле заметное прикосновение, будто пощекотали ее мягкой лапкой по вискам, не сразу обратила на него внимание. Только и спохватилась, когда лапка эта резко отдернулась – не то обожглась, не то испугалась чего-то. Тут и глаза ее отпустили; правда, Аринка напоследок успела заметить в них немалое удивление.

– Погляди, погляди на меня, Аринушка, – снова пропел голос, но теперь уже не было в нем внутренней силы; просто добрая тетушка подошла поздороваться. – Я тебе мешать не стану, – и повернулась к Анне. – Аннушка, а девки-то у тебя прямо цветут! Что ж ты там с ними делаешь? Даже и моя прихорашиваться начала, глазками постреливать, глядя на твоих.

Воспользовавшись передышкой, Аринка с настороженным интересом разглядывала незнакомку, прикидывала: женщина вроде самая обыкновенная; примерно ровесница Анны, чуть ниже ее самой ростом, полноватая, но по возрасту уже и положено, не всем же, как Анне, повезет – скорее статью, чем дородностью с годами налиться. Но и эта еще очень даже ничего выглядит: крепко сбитая, сдобная, в себе уверенная. Одежда на ней неброская, но добротная, даже более чем добротная. Уж за Фомой-то замужем побыв, Арина цену тканям знала. Эдакая невзрачность порой подороже любой яркости стоит.

Руки вот еще... Бабка, помнится, повторять любила: «Хочешь про женщину знать – не на лицо гляди, а на руки». Тру-

дов руки не чужды, и с серпом знакомы, а вот за скотиной ходить хозяйке не приходится. Ни колец, ни перстней (при дорогой-то одежде!) и... холеные руки-то. Гладкие, мягкие – следят за ними, ухаживают. Да и лицо не обветренное, кожа нежная, чистая, как у молодой, на щеках румянец, морщин почти нет, во всяком случае, глубоких крестьянских, ветром и пылью оставленных. Губы алые, влажные, несмотря на возраст – не просто бережет себя бабонька, а досуг и средства для этого имеет. На поясе мешочки со всякими разностями... вроде бы многовато... И обереги! Вышивка на одежде – знаки Макоши. Ну конечно! Морок ум застит, а то сразу бы сообразила – про нее же сама всю дорогу думала. Лекарка Настена и есть, кто ж еще-то?

– Вижу, поняла... Ну, тогда еще раз: здрава будь, Аринушка! – женщина слегка поклонилась в ее сторону.

– Здрава будь и ты, Настена! – Арина ответила чуть более глубоким поклоном, но не слишком – только уважение выказала. После Турова она такие мелочи хорошо понимала. Да и эта, по глазам видно, тоже поняла правильно.

– Умница, – улыбнулась женщина. – Аннушка, я Арину сразу к себе заберу. Заодно и по селу пройдемся, пусть бабы посмотрят. Глядишь, половина языков уймется, а остальные поутихнут. А не поутихнут... – Настена чуть повысила голос, – укоротим!

Анна в ответ лишь кивнула:

– Это уж точно. Благодарствуем, мы и сами к тебе соби-

рались, – и кивнула Арине. – Ты с Настеной сейчас и ступай, так оно быстрее получится.

– Ну так, знамо дело, быстрее, – усмехнулась лекарка. – Мы с Ариной пройдем ко мне, а потом я ее к вам на подворье сама провожу. Меня Татьяна просила зайти, – кивнула она на стоящую невдалеке невестку Анны. – Дело у нее до меня какое-то...

– Мы тебя и без дела всегда видеть рады! – с поклоном, но уже как равная равной ответила Анна. Впрочем, особого тепла в ее голосе Арина не заметила.

– Все бы так, а то в беде-то зовут, а в радости забывают, – Настена смотрела на Анну прищурившись, как купец на торгу. Арина могла бы поклясться: этими взглядами да поклонами две женщины друг другу больше, чем словами, сказали.

Молодая женщина держалась настороже. Непонятно, с чего лекарка такое рвение проявила? Надо же... сама за ней пришла, да не куда-нибудь – к церкви, потом прогуляться предложила. А перед этим то ли прощупать пыталась, то ли и вовсе себе подчинить...

«Ну, Красава-то понятно, от дури своим даром забавляется, а эта зачем? Или, как тогда сотник со старостой, меня в вдовстве заподозрила? А чего же тогда отступила? Да нет, не отступила – отшатнулась, будто ударились обо что-то... или обожглась. Ничего не понимаю... Я же ей не соперница. Это Красаву я окоротить смогла, а с настоящей ведуньей разве сладила бы?»

Настена не спешила первой заговаривать, видно, от Арины вопросов дожидалась, да напрасно; этому уже не столько бабка научила, сколько туровский опыт и то, как отец торговать своих подручных да Гриньку обучал. Кто первый интерес проявил, пусть тот первый и скажет свое слово, а нам суетиться нечего, мы себе цену знаем!

Тем временем они неторопливо двинулись по улице, и Арина буквально всей кожей чувствовала, как скребут по ней глазами раскланивающиеся с Настеной бабы, принаряженные ради светлого воскресенья. Похоже, с какой бы целью лекарка прогулку ни затеяла, знала, что говорила Анне, и языки действительно укоротятся.

«Ни дать ни взять – хозяйка! Корней с Аристархом мужскими делами заправляют, поп zdeшний явно в хозяева не лезет, а в женской жизни Ратного хозяйка она – Настена! Странно, почему такая молодая, а не кто-то из старух... но им тут виднее».

– Верно мыслишь, Аринушка! – ее спутница снова по-доброму улыбнулась, только глаза на этот раз остались холодными, изучающими. Вроде и разговор первая начала, но и тут повернула по-своему. – В каждой избушке свои погремушки. У нас в Ратном – вот так. А что не закрываешься да мысли не прячешь, благодарствую. И от меня тебе тоже добро будет. Лада с Макошью, может, и не всегда дружно жили, но и не враждовали. А когда дело того требовало, Макошь Ладе в помощи никогда не отказывала!

– О чем это ты? – вскинула брови Аринка.

– О даре твоём! – словно кнутом щелкнула Настена. – Ладе ты предназначена. Ведовской силы в самой тебе нет, зато женской – через край! А эта сила – от Лады. Она тебя в обиду не дает.

– Бабку мою во мне увидела?.. – Аринка покачала головой. – Да когда это было! И не учила она меня тайнствам.

– Не спорь... и не спрашивай! Бесследно такие вещи не проходят. А бабка у тебя, вижу, сильна была, надежно тебя прикрыла...⁶ Интересно, Ниней справится ли?.. Я такой силы раньше и не встречала... Жалость-то какая, что так и не передала никому... – совершенно искренне вздохнула Настена. – Но и не порадоваться не могу, что не она, а ты к нам пожаловала. В тебе-то самой и впрямь ведовства нет. Может, скрыто до времени?

– Да нечего мне скрывать!

«Ну чего она привязалась-то? Аристарх вон только глянул – и без расспросов все понял. Ну да... все правильно! Понял и сразу интерес потерял, коли я ведовством не владею. А эта... Она меня не просто прозреть пыталась, а подчинить. Именно подчинить своей воле, словно опасается. Возможной соперницы испугалась, что ли? За Юльку, наверное, не за себя же. Если так, то должна увидеть, что ошиблась».

⁶ Речь идет не о магии, а о противогипнотическом блоке. Арина про него не могла знать, поскольку ставится он, когда человек спит.

– Ладно, о бабке твоей потом поговорим. А сейчас не удивляйся, а поучись... – Настена усмехнулась, – это тебе не язвить да всяких дур лбами сталкивать. Тут похитрее будет... Михайла это циркусом зовет, говорит, за плату показывать можно... тем, кто понимает.

Голос жрицы Макоши вдруг снова сделался ласковым и певучим.

– А вот, Аринушка, такие у нас колодцы! В иных местах такого и не увидишь! Любим мы колодцы, ублажаем, обу-страиваем... И вам здравия, бабоньки, и вам, хлопотуньи! А я вот Аринушке нашу красоту показываю. Тут тебе и столби-ки резные, и крыша шатровая... Милослава, как внучек-то? Ну и ладно, пускай бегает, миновало плохое. А кузнечную работу, Аринушка, Лавр сделал, деверь Анны. Вот дар у че-ловека! Ты погляди, как излажено все! Лукерья, завтра за настоем кого пришли. Только со своей посудой, а то у ме-ня горшки все перевелись, хоть сама лепи. А вот здесь, Ари-нушка, видишь? Голова зверя, тоже Лавром откованная, как живая! У нас колодцы по этим зверям и именуются: Медве-жий, Бычий... Февронья, пошто глаза красные? Опять твой учудил? Ну, гляди, а то я его упредила: «В другой раз и раз-говор другой будет». Ты думаешь, Аринушка, чего она так блеснит? А примета такая – потрешь его ладошкой, и муж в постели зверем рыкающим станет. Вишь, не желают у нас бабы по ночам скучать! У медвежьего-то колодца примета совсем другая... потом расскажу, посмеемся.

Так с разговорами, не пропустив ни одной бабы, Настена провела Арину вокруг колодца, а потом двинулась с ней по улице дальше.

– Ну, как? Поняла?

– Кажется... – первый ответ на поверхности лежал, и гадать не пришлось. – То, что тебе посуды натащат, понятно... – слегка усмехнулась молодая женщина.

– Правильно, – подбодрила Настена. – А еще?

– Было и еще что-то... – Арина помолчала, подбирая слова. – Нехорошо в какой-то миг стало... словно бы заплакал кто-то или обидели кого... точнее не могу сказать.

– И то уже хорошо, что поняла, – одобрила Настена. – Знала твоя бабка, кого в ученицы брать... Странно, что не стала до конца учить. Оглянись.

Арина обернулась к колодцу и сразу же поняла, что не обманулась: чуть в стороне от остальных стояла одна молодка. Вроде бы и вместе со всеми, но как чужая. Стояла понурившись и, Арина не сомневалась, глотала слезы.

– Это ты ее?..

– Слова не сказала! – Настена потянула собеседницу за рукав. – Пойдем, пойдем, не стой. Так вот: слова не сказала! Не ругалась, не грозила...да ты сама все видела. Но и вчера слова не сказала, и завтра не скажу. И вообще не скажу, пока сама не поймет свою провинность да мне не объяснит.

– Строго ты...

– Нет, не строго! Я ей только что помогла глупость свою

понять! Если не дура – поймет, повинится, а дуру не жалко.
– Только что?

На душе у Арины от слов лекарки появился неприятный осадок. Но та молча шла рядом, не мешая думать.

– Ты прости, Настена, но выходит, что ты ее из-за меня наказываешь? Ты бабам свое благорасположение ко мне показала... а ее... Она что, на меня зло какое удумала или трепалась непотребно? Небось, про то, как я в одной рубашке татей завлекала? – невесело усмехнулась Аринка, еще не понимая, что же ей не нравится: вроде как лекарка ее защитила. – Ну, так про это только ленивый не болтает. Я уж думала – надоело всем.

– Если бы просто непотребно... Это еще понятно – чтобы бабы да языками не потрепали? В том греха нет, если без перебора и без злобы. Эта же... – Настена поджала губы, словно собиралась сплюнуть. – Эта о тебе как о воине рассуждать взялась! Будто бы ты топором умело рубила и в том радость чувяла, как мужи ратные.

– Да я же... ах, сука! – вспыхнула Аринка, забывая на время свою неприязнь к Настене – так ее возмутило услышанное. – А ну-ка, пусть повторит мне в глаза...

– Остынь! – рявкнула Настена не хуже десятника. – Или хочешь ее трепотню подтвердить?

– Нет, но...

– Бабка тебя воинским хитростям учила? – неожиданно спросила жрица, снова притягивая к себе взглядом. Арина

почувствовала себя обманутой, и снова душу что-то царапнуло – не нравился ей этот разговор, очень не нравился. И сама Настена неприятна. Опять заходами ведовскими морочит! Пока Арина защищалась от притягательной силы глаз лекарки, та каким-то образом узнала все, что ей требовалось.

«Как девчонку провела! Я же к ней за исцелением обратилась, за помощью, а она со мной, словно лиса с подранком, играть пытается. Эх, бабка, бабка... что ж ты так потропила в Ирий Светлый уйти? Лучшие уж не начинала бы вовсе... теперь от того недознания одна маета!»

– Что-то я никак не разберу, Аринушка, – прервала ее переживания лекарка, – почему бабка твоя все-таки никого за себя не оставила? – она казалась не на шутку удивленной. – Надо же... редкий случай.

– Не знаю я всего, – Арина не собиралась откровенничать. – Она о себе говорить не любила. Про Ладу-то мне уже перед самой смертью поведала. Ее у нас почитали больше травницей, а про ворожбу тайком поминали. Но со всякими болезнями именно к ней за помощью шли. ...Священник косился, конечно, но не связывался; с нашим родом отношения портить побаивался – на церковь-то мы жертвовали поболее других.

– Угу, – Настена слушала внимательно, не перебивая, но одновременно умудрялась думать и о чем-то своем. – Андрей, значит.

– Что, Андрей? – при его имени, так внезапно помянутом,

Арину в жар бросило, сердце привычно ухнуло.

– Я и говорю: Андрей Немой тебе и правда в душу запал, – Настена улыбнулась приветливо, по-доброму. – Угроздило тебя, ничего не скажешь, тяжкую ты ношу подобрала. Но все может и хорошо сложиться, недаром мне Лада привиделась. она безоглядной любви всегда защитница. И тебе благоволит. Тогда и ему поможешь. У меня же за него тоже душа болит. Матери его обещала приглядеть, но как тут приглядишь? Не дите же... Анна тебе, наверное, уже рассказала кое-что, но всего и она не знает.

Вот этими словами Настена сделала больше, чем всеми наговорами! Матери его обещала... Скажет что-то дельное, посоветует.

– За что его так? – Аринка теперь сама впилась в нее взглядом. – Я же давно поняла, что не просто...

– Все расскажу, дай до дома дойти. Посмотрю тебя, как обещала, да поговорим. Изба моя недалеко, только вот второй колодец минуем... – кивнула Настена на кланяющихся ей издалика баб. – И вы здоровы будьте, бабоньки, мужей вам добрых да женихов красивых, хлопотуньи...

Дальше все пошло, как и у предыдущего колодца: лекарка вела Арину по кругу, указывая то на искусную резьбу, то на хитрую кузню, одновременно находя какие-нибудь слова для каждой бабы в отдельности. Повела между делом и душе-раздирающую историю о том, как молодка горшок огненных щей на мужа опрокинула, да тут же, на глазах у всех, кто за

столом сидел, принялась с того портки стаскивать, «чтобы, значит, не сварилось все там окончательно». Да про то, как муж, за портки держась, сначала орал: «Ты что, дура, охренела совсем?», потом: «Да остыло уже, не горячо вовсе!», — а в конце: «Ладно, пойдем, поцелуями полечишь да расскажешь, каковы щи на вкус были».

Пока бабы хохотали да высказывались об услышанном, Настена склонилась к одной из них, и от ее тихих слов будто зимней стужей повеяло:

– Ворованное счастье коротко! Сама остановись — слез меньше прольешь!

Баба поперхнулась смехом и изумленно уставилась на лекарку, а та уже шла дальше показывать Арине кованую голову медведя.

Больше до самого лекаркиного дома они и словом не обмолвились. Настена молчала, и Арина с ней сама не заговаривала, но про себя отметила, что та провела ее кружным путем. Видно, неспроста — для того и сама к церкви прийти потрудилась. Знать, всерьез она отца Михаила не опасается? Ну да, любви и дружбы между ними быть не может, но тем не менее сей ревнитель христианских заповедей жрицу Макоши у себя под боком безропотно терпит. И не скрывают тут, что лекарка в селе живет — открыто говорят. Бабка-то Арина вон как таилась от посторонних... Знать, и отец Михаил, при всей своей истовости, вынужден с волей сотни смириться: воинам целительница порой нужнее священника.

А заодно и с Юлькой ее сравнивала. Известно: хочешь узнать, какова дочь вырастет – на мать посмотри.

«Юлька по молодости не скрывается, вся на виду. А девка упрямая, глаза горят, свое никому не отдаст. Настена вроде иная – спокойная, доброй тетушкой со стороны смотрится, говорит ласково, душевно, но это на первый взгляд. Просто с возрастом мудрее стала, научилась себя в узде держать, а что у нее внутри? В глазах не прочтешь, и сама она такое умеет, что мне с ней не тягаться».

У себя в избушке Настена сначала Аринку долго и тщательно осматривала да расспрашивала, так что у той уже и терпение кончалось. Досадовала, что лекарка нарочно тянет, испытывает, но сама ее не торопила: все равно не скажет, пока свое не выпросит!

А Настена заговорила совсем о другом.

– А я тебя, Аринушка, обманула, вернее, ты сама неверно поняла, а я объяснять не стала. Там, у бычьего колодца, мне не наказание болтушки для твоей защиты понадобилось, а твоя защита для ее наказания. Непонятно? Ты правильно догадалась, что я здесь хозяйка женского мира совсем молодая. Их у нас, кстати, Добродеями величают. Эта наказанная у меня первая. По-иному уже наказывала кой-кого, а так – впервые. Тут ведь важно, чтобы другие бабы все до одной поддержали; хоть одна воспротивится, считай, пропало дело. Значит, и вина для первого наказания нужна ясная, чтобы все согласны были. Я почти год такую вину и такую виноват-

тую искала. От рассказов этой дурищи про кровь да волосы, к лезвию топора прилипшие, да как ты на это с ухмылкой людоедской глядела, всех баб с души воротило. Мне еще долго вот такие, очевидные для всех, вины подбирать придется, пока все не уверятся, что я несправедливо или за мелочь не наказываю.

– Выходит, ты мной попользовалась? – Аринке стало, наконец, понятно, что ей тогда так не понравилось в словах Настены. Ну да, все то же самое: и тут под себя подмять пытаются, подчинить.

– Не без добра для тебя, да и сама рассказала, таиться не стала. Как думаешь, почему?

– А не все ли равно? Верить-то тебе больше не могу... – дернула Арина плечом.

То, что Настена решила ее использовать, было понятно – она свою копну молотит, но позволять и дальше собой играть Арина не собиралась. Тут только коготку увязнуть, потом не отвяжешься. Раздражение на то, что лекарка опять ее морочит, пересилило желание получить помощь; стала быстро одеваться, уже жалея о том, что связалась с ней. Еще у церкви после попытки подавить Аринину волю следовало уйти, коли такую цену за помощь платить надо. Лекарка, как же! Пусть в Ратном баб пугает. Власти ей захотелось! Мало своей, от Макоши, так она вон чего удумала! Бабка никогда себе такого не позволяла, и бабы в селе к ней сами за советом шли, а эта... Арина закрутила вокруг головы косы, накинула

повой и, закусив губу, шагнула к выходу.

«Не хочет добром помочь – не надо, а умолять не буду! Если уж не судьба мне... Скажу Андрею все, как есть, а там...»

– Андрей! – раздельно и четко произнес у нее за спиной голос лекарки, как хлыстом ударил. – Тебе-то моя помощь не понадобится – все у тебя в порядке, родишь. А ему помочь сумеешь?

Арина замерла, не в силах уйти, но и не желая возвращаться, а из-за спины издевательски пропел добрый и приветливый, как возле церкви, голос Настены:

– Стерпеть придется, Аринушка!

Аринка обернулась и оглядела лекарку с ног до головы, а та, словно давая себя лучше разглядеть, слегка повернулась влево, вправо. Баба как баба... на первый взгляд. А если подумать?

«Хозяйка, значит? Добродея Ратного. Воины, их семьи, христианская община, лесовики... Живут войной, живут на войне, сто лет лили свою и чужую кровь, отвоевывая эту землю, недавно, рассказывают, бунт был и мальчишки зрелых воев перебили...»

Какой надо быть, чтобы решиться взять под свою руку здешний женский мир? Как он вообще-то здесь жив, женский мир? Годами и десятилетиями ждать, когда вырастут дети, ждать возвращения мужей из похода, ждать, ждать, ждать... Я всего-то ничего жду, а уже извелась».

А ведь женщинам не только ждать приходится. Им приходится незаметно, но настойчиво править здешними мужами в тех делах, где они беспомощнее младенца, но не желают этого признавать. Считать родство, устраивать браки, смирять мужей и смиряться перед ними, вести хозяйство, командовать семейными и холопами, хранить обычаи, следовать приметам, передавать дочерям и внучкам то, что невозможно описать словами, а еще искать счастья и любви, а еще, а еще, а еще...

Какой надо быть, чтобы решиться возглавить все это? Вернее, какой надо стать, ибо Добродееми не рождаются. А ведь она, эта толстушка, понимает все это! Понимает и все равно берется? Вот сейчас надо было поговорить с бабами, держаться так, чтобы ничем не уронить себя в их глазах, а потом они пойдут к ней за советом, помощью, утешением, и ни одной не откажешь.

Власть? Да, власть! Но легка ли эта ноша? Вспомнилось, что Михайла в Дубравном про отца Геронтия сказал: «Ты попробуй каждый день, каждый час, каждым словом, каждым поступком являть окружающим пример праведной жизни. Ведь со всех сторон смотрят, все подмечают, обо всем судят. И ни черта же не понимают!»

– Умница, ах, какая умница! – лекарка смотрела без насмешки, и в голосе у нее звучали искренняя доброта и по-

ощрение. – Только вот мысли у тебя все на лице пишутся, да буквицы такие крупные! Садись, чего подхватила-то? – Настена кивнула на лавку. – Разговор у нас долгий.

Подождала, пока Арина сядет, и сама уселась за стол напротив нее. Задумалась на миг, потом пристально взглянула в глаза.

– О том, что скажу сейчас – не болтай, а то и головы лишиться можно. Про Перуновых воинов слыхала от бабки?

– Про Перуна слышала, – кивнула Арина. – Поклонялись ему раньше мужи, просили у него воинскую силу и удачу.

– Верно, а у нас поселение воинское. Поняла, о чем толкую?

Да уж догадалась, куда попала. Конечно, понятно, почему и Корней с Аристархом, и Настена забеспокоились, только заподозрив в ней ведовскую силу, да еще как-то с Ладой связанную... В Дубравном многое из старинных преданий всерьез не принимали. Православная вера да попы вытеснили *тот* мир. А здесь он жив, никуда не делся. И властвует по-прежнему, хоть и тайно. Куда там попам с их проповедями убедить здешних, хоть и крещеных жителей, что светлые боги им враждебны, когда лечит их лекарка Настена, жрица Макоши. Да и волхва Велесова, бабка Красавы, под боком. У кого власти над умами больше – у них или у попа? Смешно и сравнивать...

Про Перуновых воинов лучше и впрямь помалкивать. И так понятно – мужи здешние, хоть имеют христианские име-

на да в церковь ходят, но живут войной, и в бою им проповедь о том, что надо подставить вторую щеку, если по одной ударили, мало пригодится.

«А все-таки в бой именем Христа идут. И не сами по себе – на службе княжьей. И Корней боярин только княжьей волей. Прознают в православном Турове про языческие обряды – что тогда? Да за такое знание, и правда, головы лишиться недолго. А Настена-то что ж? Не может такого быть, что все досконально сама знает, скорее, тоже только то, что краем уха слышала да вместе сложила... Но меня убедить пытается, что ей все тут известно – даже ТАКИЕ тайны. Зачем? Да все за тем же! Чтобы я ее власть и силу постигла и признала! Ну-ну... послушаем».

– Опять молодец, – Настена одобрительно похлопала ее по руке. – Поняла все. Да, сейчас в сотне времена не самые лучшие. И отроков толком не учили, пока Михайла Младшую стражу не возродил. А раньше иное было. Не просто отцы с сынами занимались, а старейшины за этим строго следили. С самых ранних лет примечали, кто на что способен – и не ошибались никогда. И тут недалече слобода воинская была – там только мужи жили – не постоянно, но подолгу. И отроков, как в возраст приходили, туда посылали. Догадываешься, что за слобода?

– Как Младшая стража у Михайлы? – Аринка пожала плечами. – Там, наверное, отроков воинскому делу обучали.

– Верно говоришь! – усмехнулась хозяйка. – Именно! По

старому обычаю воины так себе смену готовили. Оттого и были те воины столь непобедимы и искусны. Но здешняя-то сотня княжья! И власть тут христианская! Понимаешь? Старую веру сами же повсеместно изгоняли, и в Ратном светлых богов чтить уже не так стали: христиан в сотне становилось все больше, да таких, которые от старых обычаев вовсе отказались. Только привычную жизнь вот так, единым махом, не изменить, а христиане попытались... Большой кровью обернулось, кровью между своими... Как уж остановиться сумели, не ведаю. Слободы воинской после того у нас не стало, но и полностью старый обычай не отринули... так вот и живем...

Настена встала, подошла к печи, что-то передвинула там, словно по делу, но Арина видела: лекарка о своем задумалась.

«А ведь не только Перуна изгоняют... и Макошь, и Велес, и Лада – всех нынче одной метлой... Для нее-то это, как набат. Ведь и она тут жива, пока воинам раны исцеляет, а если не нужна станет? И она, и Юлька...

Да ведь она боится! При всей ее немалой силе и власти – боится. Всех. И этих баб у колодца тоже! Потому и давит так, и наказывает – от страха. И меня, выходит? Потому и внушает, что здешний женский мир в ее полной власти и нет для нее ничего тайного – вон как уверенно о Перуновых воинах и их обычаях рассказывает, будто своими глазами все видела, а если подумать, так вряд ли она к тем тайнам

*допущена. Чтобы я в ее власти уверилась и впредь попере-
ей не только сделать что-то не смела, а даже не задумы-
валась. И не потому, что я ей повод дала, а на всякий слу-
чай. Но ведь нельзя так, нельзя! Как надо – не знаю, только
у бабки иначе получалось. А Юлька про материн страх зна-
ет? Ей-то самой бояться нечего – за Михайловой спиной».*

Собеседница Арины потрянула головой, словно очнувшись, вернулась к столу и продолжила рассказывать:

– Так и стали новиков сами учить здесь, в сотне. А самых наилучших все равно отправляли куда-то далеко, хотели, видно, со временем свою слободу возродить. Вот Андрюха твой таким наилучшим и получился. Его старики приметили, опекать стали особо – он же без отца рос, мать одна тянула. Гордилась... Знала бы она, что ему с той учебы выйдет... – Настена задумалась, вспоминая былое. – Когда он домой вернулся, тогда и началось все. Не приняли его у нас.

– Что-то не пойму я... – с сомнением взглянула на нее Арина. – Ведь и до него там тоже парней обучали? И потом принимали их, и чужими они не становились... Он-то чем так не угодил?

– Да он-то сам как раз и ни при чем. Не в нем дело. Или, вернее, в том, что слишком хорош оказался. Сам по себе таким уродился, оттого и наука воинская на благодатную почву легла. А прочим – живой укор, дескать, вот какого воя в слободе, а не здесь, в Ратном, воспитали.

Просто не повезло ему, понимаешь? Кабы раньше – был

бы в чести, прочим в пример, позже – то же самое, дескать, вот каких ребят и без Перуновой науки выращиваем, а тут... – Настена зачем-то снова встала, подошла к двери, выглянула на улицу, постояла, глядя куда-то, кивнула сама себе и села напротив гостыи.

– Тут вот какое дело, Аринушка... Как бы тебе объяснить-то? Мужи о своем думают, о боях да победах, а бабам-то мир нужен, детей растить. Оттого и боги у нас разные. Воины Перуну поклоняются, женщины – Макоши да Ладе. И просим мы их о разном. У мужей – сила. И власть свою они являют открыто. А жены... жены свое дело тихо творят. Не криком и шумом по-своему поворачивают – так разве что самые глупые поступают, от бессилия. И мужей не переделают, и сами потом нахлебаются, – Настена поморщилась. – Не-ет, умные бабы так повернут, что мужи и сами не заметят, как начинают по-иному на все смотреть. Вот и тогда... Старейшинам та слобода и возрождение старых обычаев одним виделась, им воев растить хотелось, а бабы хорошо помнили кровь, что один раз уже между своими пролилась. А ведь в сотне-то все давно породнились. Брат на брата пошел бы! Да и победы люди прежней веры, что бы вышло? Плетью обуха не перешибешь. Не потерпел бы князь такого, рано или поздно смели бы Ратное, как Кунье. Прежняя Добродея это хорошо понимала. Мудра была. Но выступать против мужей в таком деле бабе, хоть и уважаемой, и помыслить нельзя. Кто бы ее слушать стал? Вот она и сотворила все по-иному.

Мужичи и не поняли ничего, никто им как будто и не препятствовал, а все одно не по их вышло!

— Так это она нарочно все подстроила?.. — ахнула Арина. — Баб на него натравила?! Анна сказывала — стихия, а оказывается, той стихией Добродеева ваша управляла! А я-то еще удивилась, отчего она не вмешалась!

— Да нет... — возразила Настена. — Не поняла ты... Не его отторгли, а возрождение старого обычая... И не только бабы — вся сотня уже воспротивилась. Добродеева-то давно к тому вела. Думаешь, само собой так случилось, что Андрей один из всего села в ту слободу попал? Когда-то и по десятку отроков отправляли, да каждый год, а потом меньше и меньше: пошли разговоры, что слобода-то слободой, а и в сотне можно не хуже новиков выучить. Мол, чем слободские наставники лучше своих? Никому даже в голову не приходило, что не сами собой они про то задумались, а бабы их тишком настроили да их же самолюбие и распалили! Вот так, помалу, не враз, не в единый год, а сумела Добродеева мужей переломить! К возвращению Андрея тот перелом и вызрел. Вот и сошлось все на нем. Чужим он здесь оказался. Ты пойми, она так всех прочих спасала, — повысила голос хозяйка, останавливая вскинувшуюся от возмущения Арину. — Ну а после того, что случилось, про воинскую слободу и не заикались больше. Никто бы своих сыновей туда не отдал. Андрюхе досталось, конечно, но он-то выдержал, не сломался. Будь кто другой на его месте, еще неизвестно, как бы обер-

нулось. *Женский мир* так свое слово сказал, и старейшины ничего сделать не смогли! Прочили его со временем в сотники, но бобылю-то и десятником стать немыслимо, тут хоть обвешайся княжьими гривнами. Тем более, сторонились его, многие боялись даже просто рядом с ним на поле боя оказаться. Только Корней за доблесть при себе так и держал.

– Все-таки, значит, бабы... – протянула Арина. – Не приняли...

– Да не просто не приняли – проклинали! Но, – сама себя перебила Настена, – пока про другое послушай. Это тоже важно. Андрей ведь не в пустыне живет, вокруг люди, и с людьми теми он, так ли, сяк ли, а повязан. Он-то единственный из нынешних воинов в воинской слободе обучался... – она быстро взглянула на Арину и продолжила: – Про ту слободу, где он был, я ничего не ведаю, а вот та, что тут разоренная... Сама я не застала, а бабка моя рассказывала. Ведь раньше у нас еще и дом Лады был, и девок учили... поняла? Ну, не постоянно, как отроков, а время от времени, когда старухи видели, что срок подходит, туда их по одной или по несколько приводили. И вы с Анной за девичью учебу взяли...

– Так ты что, думаешь, что я... – Арина аж задохнулась.

– Нет! Это я сразу увидела, – улыбнулась Настена. – Потому и говорю с тобой сейчас так. Ну не могла я сама не убедиться! С Аристарха-то не спросишь: не пристало Перуну перед Макошью ответ держать. Откуда мне знать, что он за-

думал и как ты с ним и с Корнеем поладила? – она невесело усмехнулась. – Корней вон как разлетелся – и то вам, и се. Вот я и хотела понять – своей ли он волей? Коли от чистого сердца, так и хорошо, а то мало ли...

«Никому она, похоже, не доверяет. Да и у богов, как у людей, соперничество идет. Аристарх-то Перуну служит, а против Перуна Макошь не властна. Да не только Макошь, и Велес от его молний змеем между камней убежал... Значит, староста и над волхвой власть имеет? Хотя тут еще важно, насколько сам жрец силен, но все-таки... А вот Лада могла бы с Перуном поспорить... Ну да! Коли Аристарх во мне жрицу Лады признал бы – не вышла бы я из той горницы. Не зря я тогда смерть почувяла – рядышком она прошла... А Настена и забеспокоилась от того, что коли Перун с Ладой договорятся, всем прочим рядом и делать нечего!»

За своими размышлениями Арина не забывала внимательно слушать лекарку. А та продолжала рассказывать.

– Вот сама погляди. Отроки-то ваши, Лютом выученные, лучше, чем те, которые здесь, в сотне остались. Мишкины сопляки бунтовщиков – взрослых воинов – побили, всего двумя десятками! А если сотней заявятся? – В Настениных глазах мелькнул страх. – Андрей свою судьбу принял, такую, как есть. Но ведь если умеючи старые обиды расковырять... А тут ты! И опять один к одному сходится... Тогда он отроком был, старшие его удержать смогли, образумить, а теперь? И отроки обученные у него под началом – далеко ли

до беды? Чем вы там с Анной думаете? – теперь лекарка почти кричала. – Головами или... Одна вокруг Лешки своего व्यюном обвилась, другая об Люта, как об стенку, бьется, ничего вокруг не видит... Кто мужей от дури кровавой удерживать станет? Юльке моей, девчонке, отдуваться при двух бабах смысленных?

– Я же не знала... – растерялась Аринка от такого внезапного поворота разговора. – Да и при чем тут моя любовь?

– Твоя любовь как раз и при всем! – отрезала Настена. – Один раз он уже обжегся – второго, может статься, ни он, ни окружающие не переживут. Вернулся тогда Андрей из слободы и словно в чужую весь попал. За три года, пока он учился, тут иначе на все стали смотреть. Бабы ему каждое лыко в строку ставили, да и мужам, тем, кто своих сыновей здесь учил, не нравилось, что старейшины отличают его перед их сынами. Христиане – те и вовсе носы воротили. Отроки завидовали и побаивались. А девки... девки с него глаз не сводили! – она усмехнулась, видя ошарашенные Аринкины глаза.

– Они же, дурочки, повлюблялись в него через одну, а он этого и не видел по молодости да от незнания! Не понимал, что они его потому и подначивают, и дразнят, и с парнями своими стравливают. Ну, чему их там наставники обучали? Да все тому же: неуместно воину свою слабость показывать, а бабы и есть слабость мужеская; они только для одного надобны. Оттого он и держал себя с ними так...

Как-то раз кто-то из парней Люта зацепил – а он уже тогда силен был, как зрелый муж. Ну и врезал обидчику, так, что тот лег без памяти. Девушка того в крик: «Убийца, зверь!» Взяла, дура, да и прокляла Андрюху при всех. Сама же до драки дело довела, свиристелка, и все потому, что он на нее не смотрел... Потом уже ее слова как только ни пересказывали, но посулила она ему одному век коротать, бесприютным и никому не надобным. И чтоб перекосило его, тоже брякнула! Вначале и внимания никто не обратил, посмеялись разве что, а потом неприятности на него как из лукошка посыпались – и вроде по мелочи, а как нарочно, все каким-то боком с девками связано. И они, дурищи, его просто со свету сживали насмешками. Не выдержал Андрюха как-то, поднял скамью с тремя такими насмешницами да и швырнул в других. Ну, тут уж взрослым разбираться пришлось – девки-то крепко побились.

«Господи, как же его допекли! Он же себя в железных рукавицах держит, а тут сорвался... Бедный...»

А лекарка продолжала, и, казалось, конца не видно страстям:

– Обошлось, Перуновы мужи его под защиту взяли. Но девки уже удила закусили, не могли они такого стерпеть! Жила тут у нас одна – померла в моровое поветрие одинокой и бездетной, а ведь по молодости не хуже Аньки-младшей... От женихов отбоя не знала и отроками крутила, как хотела. Вот ее больше всех и заело, что Лют на девок смот-

рит с презрением. И от великого ума, видать, да в насмешку об заклад побилась, мол, окрутит Андрюху и на сеновал приволочет... И подружек пригласила полюбоваться да посмеяться над ним, поганка. А много ли парню надо, коли взяться умеючи, особенно если он девичьим вниманием обойден? Окрутила, конечно, и приволокла, как барана на веревочке. Что-то у них там не так пошло, но когда понял он, что посмеялись над ним, чуть не поубивал всех. Хорошо, взрослые мужи поблизости оказались, прибежали, его удержали, а то не обошлось бы.

А тут новая напасть: почитай, на следующий день отроки подначили его на состязание. Да не сами! – Настена аж кулаком по столу стукнула, видно, давнее происшествие до сих пор возмущало лекарскую душу. – Новики постарше подучили, Добродея потом признала кто, устроила им... Они и сами испугались, когда дошло до беды. Хотели посмеяться, мол, у нас лучше учат боль терпеть, чем в слободе. А своим мальчишкам дали дурман-травы. Есть такая, не вовсе боль снимает, но легче с ней какое-то время, только голова потом не своя. По ней-то и нашли виновных. Раздразнили сопляки Андрюху, а он и так был не в себе из-за той девки. Перетерпеть-то он их перетерпел, и нет ему бы остановиться, когда соперники сдались, так пока не сомлел – не отступил! – Настена быстро глянула на Арину. – Он тогда без памяти долго лежал, а потом лицо его стало застывшим ликом. Христиан в сотне, конечно, много, но... поверья-то старые сильнее по-

пов. Не все прежнего Андрюху признали! – она зло усмехнулась. – Шептались, что коли лицом изменился, так и сам другим стал, может, и не человеком вовсе. Потому и ни в один десяток брать его не пожелали, и страх к нему отсюда же. Он тогда враз из отрока мужем стал. А уж когда еще и голоса лишился, так и вовсе убедились, что нечисто тут дело: без голоса-то смерть ходит... По окрестным селениям потом, когда он ярость в бою показал, только про то и говорили, что в нем демон поселился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.